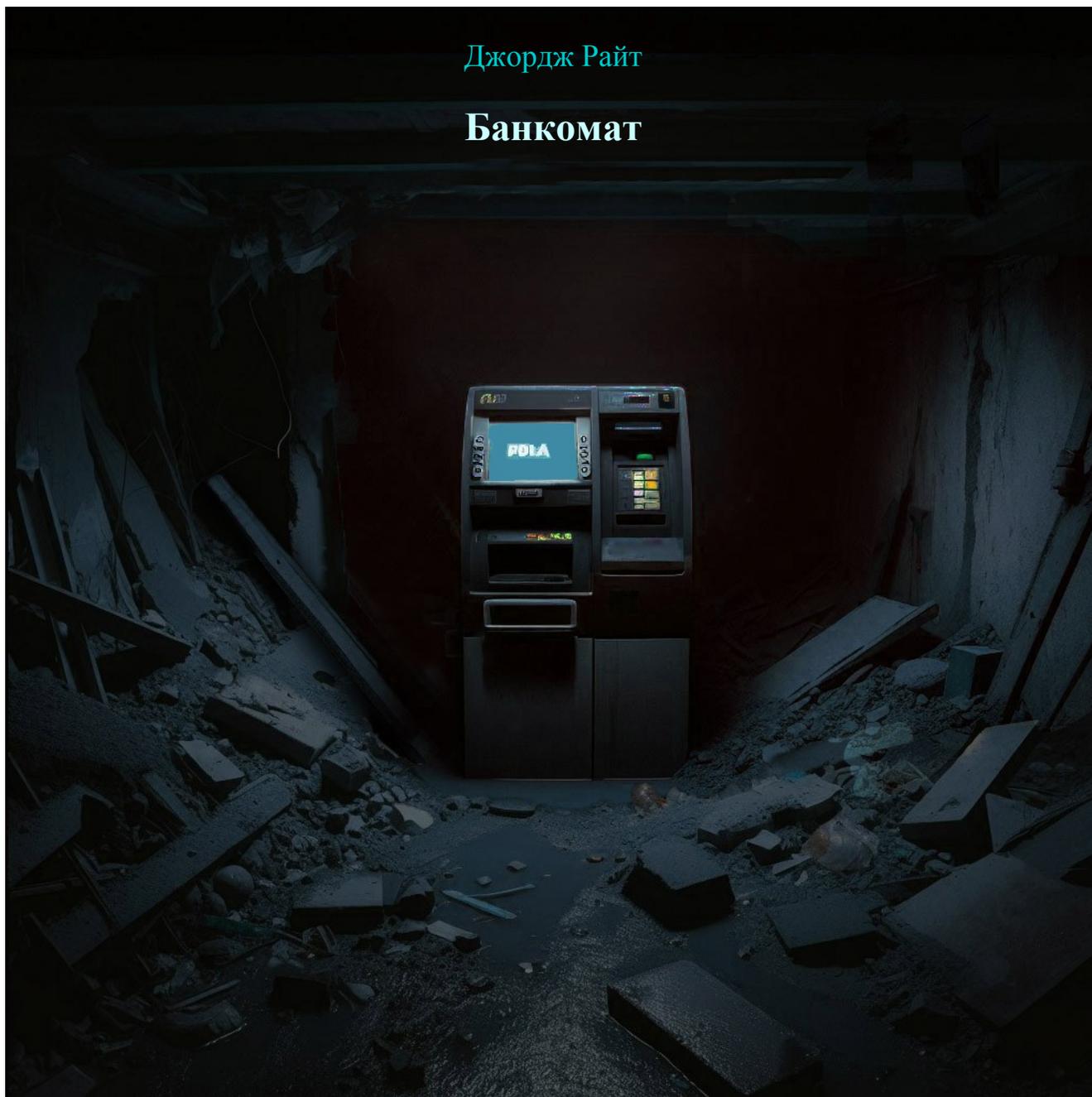

Джордж Райт

Банкомат

Сознание возвращалось, словно труп утопленника, то поднимающийся на поверхность из черных глубин, то вновь погружающийся в бездну. На какое-то время возникало осознание боли и холода, понимание - все еще очень смутное - что случилось что-то плохое, что надо проснуться, проснуться... - но вокруг была абсолютная темнота, и его вялое, заторможенное "я", выпуская редкие мысли-пузыри "ночь... можно еще... до утра...", снова исчезало в этой вязкой, тягучей тьме. С каждым следующим возвращением, однако, дискомфорт нарастал, и когда к осознанию боли и холодной сырости прибавилась еще и нестерпимая жажда, он, наконец, пришел в себя окончательно.

Что я? Нет, кто я? Роджер... Роджер Страут. Где я? Дома? Нет, это не мой дом... это вообще не Америка. То есть Америка, но Южная. Я в Андах... маленький отель в горах. Я остановился здесь вчера вечером. Или... сколько времени прошло на самом деле? Он поднес

руку с часами к глазам и, разумеется, ничего не увидел. Хотя вообще-то стрелки и часовые точки должны были светиться. Но лишь в том случае, если времени прошло не слишком много... Он поднес запястье к уху. Мертвая тишина. Завод кончился - значит, не меньше суток... или часы просто разбиты? Что все-таки произошло? Толчок... удар... взрыв? Террористы?

Нет. Теперь он все сообразил окончательно. Землетрясение - вот что это было. И он заживо погребен под развалинами отеля. Невыносимая тяжесть давит на его ноги, которые, похоже, сломаны...

Так. Спокойно. Без паники. Он жив, и это главное. Гостиница была совсем маленькой, значит, не такие уж страшные над ним завалы... его откапают... Он ощупал себя и убедился, что лежит в одежде. Да, кажется, дорога так вымотала его, что он повалился на кровать, не раздеваясь, сбросив только туфли... конечно же, сказав себе, что просто отдохнет так несколько минут, а потом, разумеется, разденется и ляжет, как следует... он даже собирался посмотреть кое-какие бумаги перед сном... Ну и, естественно, вырубился намертво. Обычно он досадовал на себя, если засыпал подобным образом, но сейчас был безмерно рад, что так вышло. В правом кармане должен быть мобильный!

Да, вот он. Липкий страх тут же разлился от живота к груди, нашептывая, что с телефоном дела обстоят не лучше, чем с часами... но нет, едва палец нашупал правую верхнюю кнопку, экранчик аппарата осветился. Правда, индикатор заряда показывал последнее деление. Ладно, сейчас это не главное - как насчет сигнала?

Сигнала не было. Совсем. Впрочем, в такой местности это неудивительно даже без завалов над головой... хотя продавец в конторе местного сотового оператора (в заграничных поездках Страут всегда приобретал местную СИМ-карту), конечно же, уверял, что сеть будет ловиться по всей территории страны. Хотя верить подобной публике... Сколько сейчас времени, все-таки? 1:36... и вовсе не ночи, а дня. Однако сюда не пробивается даже самый тонкий лучик... плохо. А дата? О черт...

Выходит, он здесь уже три дня. Даже три с половиной. Неудивительно, что так хочется пить...

И никто не собирается его откапывать.

Какой силы был толчок, сбросивший его с кровати? (Теперь, при слабом свете экранчика, он видел, что лежит на полу среди обломков и куч земли, а прямо над ним косо нависает рухнувший потолок.) Никак не меньше восьми баллов, а скорее и все девять. А внизу, в долине? Все, конечно, зависит от того, где был эпицентр... но вряд ли столица отделалась легким испугом. Наверняка город лежит в руинах, особенно бедные кварталы, где отродясь строили на авось, наплевав на нормативы безопасности... причем все произошло ночью, когда люди спали в своих домах... даже в самом оптимистическом случае счет погибших идет на тысячи, а скорее - на десятки тысяч... а сколько раненых, а оставшихся без крова... разрушенная инфраструктура, хаос... Кто в таких условиях вспомнит про какой-то захудалый отель, затерянный в горах? Кто погонит сюда технику, которая так остро нужна сейчас там, внизу? Сейчас даже и не сезон, не исключено, что он был здесь единственным постояльцем...

И более того. Страут прекрасно понял, откуда здесь эта земля и что она означает. Отель не просто разрушен толчком. После на него еще сошел сель или лавина. Вот почему сюда не пробивается никакой свет. Он погребен под настоящим курганом, как древние цари. Даже если какие-нибудь спасатели и осматривали окрестности с вертолета, они не увидели здесь ничего, кроме земли и камней. Хорошо еще, что под развалинами сохранилось достаточно воздуха, но и это ненадолго. Свежим его не назовешь уже сейчас...

О да, теперь Страут хорошо представлял себе ситуацию. По иронии судьбы, он прибыл сюда именно затем, чтобы оценить вероятность подобного исхода. Только, конечно же, не для какой-то жалкой гостиницы на полдюжины номеров. Речь шла о крупном проекте фешенебельного туристического комплекса, с помпой анонсированного новым правительством.

Однако частный инвестор, прекрасно представлявший, как делаются бизнес и политика в Латинской Америке, справедливо сомневался в беспристрастности официальных заключений и пригласил Страута в качестве независимого эксперта. Поскольку на кону стояли очень серьезные деньги, не говоря уже о репутационных издержках, миссия Страута должна была носить как можно более конфиденциальный характер. Проще говоря, о том, что он здесь, не знал никто. Он даже не успел отзвониться своему нанимателю - ибо до места так и не доехал...

И теперь, кстати, этот самый наниматель вряд ли нуждался в его услугах. Похоже, что природа сама дала ответ на все вопросы...

И, стало быть, позаботиться о спасении своей жизни он может только сам. Либо прокопав ход наружу, либо каким-то образом дав о себе знать. На самом деле ни то, ни другое, по всей очевидности, невозможно. Но, как он говорил себе всякий раз, когда поставленная задача казалась неподъемной, проблемы следует решать поступательно. Для начала - что там с его ногами?

Он развернул телефон, осветил им, до предела вытягивая руку. Сесть он не мог - мешал потолок, нависший над ним, как крышка гроба. Хотя, конечно, аналогия дешевая и неправильная - крышка располагалась бы горизонтально, а не наклонно... но если он не придумает, как вытащить ноги, неправильная аналогия превратится в точную истину. Хорошо, что у него нет клаустрофобии. Хотя при мысли о том, сколько тонн земли могут давить на этот потолок там, сверху... и долго ли еще тот сможет сопротивляться этому давлению...

Так, вон из головы все лишние мысли. Его ноги прижаты балкой, тоже рухнувшей под углом. Последнее уже неплохо - правая явно свободней, чем левая, и, вполне возможно (он пошевелил пальцами, затем ступней целиком), даже и не сломана. Ушиб, не более чем. И, если он как следует по-ста-ра-ется...

Черт! Ему действительно удалось сдвинуть вбок правую ногу, но тут же резко возросло давление на левую, заставив Страута вскрикнуть от боли. Он сам не узнал свой хриплый голос, который вырвался из пересохшего горла, царапая гортань. Страут поспешно двинул ногу обратно, поддерживая балку. Нет, так дело не пойдет. Нужно найти какую-нибудь подпорку...

Мобильник погас; Страут нетерпеливо нажал кнопку, вновь пробуждая его к жизни, затем повертел головой. Не увидев ничего подходящего, вывернул голову назад так, что заныла шея. Ага, стул! Причем не деревянный, какой был бы в отеле более пристойного класса, а самый дешевый вариант - металлический каркас, к которому привинчены набитые поролоном сиденье и спинка. Отлично. И ничем не прижат - в том углу комнаты потолок остался достаточно высоко. Вот только... дотянуться до стула Страут не мог при всем желании. От кончиков пальцев вытянутой назад руки до ближайшей ножки оставалось, насколько он мог судить из перевернутого положения, не меньше двух футов.

Спокойно. Надо чем-то подтащить стул поближе. В воображении встал гигантский магнит, но это, конечно, была полная чушь. Брючный ремень, вот это другое дело. (Да, очень хорошо, что он вырубился в одежде!) Захлестнуть ножку...

Но это оказалось проще подумать, чем сделать. С первого раза из-за неудобства своего положения он вообще промахнулся. Затем пряжка ремня стала попадать по ножке стула - но и только. Захлестываться так, чтобы стул можно было подтянуть за ремень, она решительно не желала. Не хватало ни длины, ни гибкости ремня.

Значит... значит, надо привязать к ремню что-то еще. В чемодане был галстук, но чемодан теперь погребен под тоннами земли и обломков. Простыня и одеяло на кровати, кажется, тоже вне досягаемости... Рукав от рубашки, вот что сгодится.

Страут резко дернул сперва правой рукой за левый рукав, потом левой за правый, но оба были пришиты на совесть и отрываться не собирались. Конечно, будь он в лучшей физической форме... но после этих трех дней у него не так много сил. Надо чем-то подрезать. Ключом? Пожалуй, полукруглые в сечении ключи от современных замков его дома не очень подойдут на

роль режущего орудия. А ключ от этого самого номера?... нет, его бородка тоже была тупой. Он обшарил свои карманы. Ничего похожего на нож у него при себе не было, кто бы его в нынешние времена пустил с таким в самолет, но вдруг...

Ничего более грозного, чем бумажник, в карманах не оказалось. А что у нас в бумажнике? Пластиковые карточки. Дома он таскал их с собой целый ворох, но в путешествия брал две - одну дебитную и одну кредитку. Страут с сомнением провел пальцем по их краям. Тоже не очень похоже на режущую кромку. Заточить бы чем-нибудь... только чем?

Стоп. Как говорится, алмаз гранят алмазом. Страут потер края карточек под углом друг о друга. Точить их, как ножи, таким образом не получилось, однако край одной прорезал на краю другой отчетливое углубление. Ага! Таким образом можно нарезать зубчики и получить что-то вроде пилки. То, что надо. Кто сказал, что деньги - или заменяющие их предметы - в его положении бесполезны?

Через несколько минут, вооружившись свежееизготовленным инструментом, Страут без особых проблем распорол шов и оторвал рукав. Теперь сложить его вдоль и привязать конец к концу ремня... да понадежней, чтоб не выскользнул, когда он будет тянуть...

Есть! Ремень перехлестнулся через ножку стула, и - правда, не с первой, а с третьей попытки - Страуту удалось дотянуться пальцами другой руки до пряжки, а затем осторожно подтащить стул к себе. Затем он повалил стул на пол и, толкая за спинку, подпихнул под балку. Так, теперь героическим усилием...

Правую ногу удалось высвободить легко, но левой он не мог даже двинуть; попытки лишь вызывали резкую боль ниже колена. Тогда Страут перекинул пятку правой ноги через левый голень и резко дернул - так, словно пытался выбить застрявшее бревно, а не часть собственного организма. В тот же миг словно высоковольтный разряд пронзил не то что его ногу, а, казалось, все тело до самой макушки, и он вновь потерял сознание.

На этот раз, впрочем, беспамятство длилось не столь долго. Роджера вернул в реальность негромкий звук - писк явно электронного происхождения. В первый миг ему пригрезилось, что это какой-то прибор спасателей, что они уже здесь... но затем он осознал, что это всего лишь мобильник, жалующийся на почти совсем иссякший заряд. Надо было выключить телефон прежде, чем пытаться освободиться... И еще был какой-то подозрительный скрип... Ножка стула! Похоже, она вот-вот сломается!

Страут попытался резко сесть, но едва не ударился головой о потолок и на локтях, помогая себе правой ногой, поспешно отполз назад - лишь теперь убедившись, что его действия все же увенчались успехом, и левая нога свободна. Правда, брючина на ней разорвана и кожа содрана до крови, но это, разумеется, было не самым худшим. Равно как и боль, которой он вновь заплатил за свое движение. Самым худшим был немислимый угол, под которым волочилась ступня. Волочилась безвольно, как у тряпичной куклы. Похоже, кость голени даже не просто сломана, а раздроблена...

Рассмотреть подробности повреждений Страут, однако, не успел. Мобильник пикнул в последний раз и погас окончательно. И почти сразу же вслед за этим раздался хруст и треск, а затем - глухой грохот рухнувшего потолка и сыплющейся земли.

Но на сей раз Страута не задело. В той части комнаты, куда он успел отползти, потолок все еще держался. Надолго ли?

Сердце бешено колотилось; Страут почувствовал приступ дурноты. Обезвоживание и голод, плюс ко всему; возможно, что и потеря крови, хотя вряд ли большая... Он постарался дышать размеренно, заставляя себя успокоиться. Надо бы сделать шину для ноги... вот только из чего? Он пошарил вокруг себя руками в крошечной темноте, но нащупал только конец ремня. Вновь вдел его в брюки - пригодится, как только он найдет какую-нибудь прямую и прочную палку. Затем попытался вспомнить, где в номере находилась ванная - точнее говоря, крохотная душевая кабинка с туалетом. Вода из крана, понятно, течь не будет, но в бачке унитаза она

должна была сохраниться...

Нет, кажется, тот угол тоже завален. И та сырость, которую он почувствовал, придя в себя - спина и задница до сих пор мокрые... наверное, как раз вода из разбитого санузла. Черт, как же хочется пить... В приличной гостинице в номере был бы холодильник, забытый напитками. По безумным ценам, само собой - втрое дороже, чем в ближайшем магазинчике - но вот уж что точно не имело бы сейчас значения. Однако в этой дыре постояльцам холодильников не полагалось. Хотя не факт, что и холодильник бы уцелел... Страут стянул с себя рубашку, выкрутил ее на спине, отжал в рот несколько капель. На вкус они были горько-соленые и особого облегчения не принесли.

А вот желания использовать туалет по обычному назначению у него не было совершенно. Зато ощущение в штанах было неприятно-заскорузлым, к тому же чувствовался зуд раздраженной кожи. Ну разумеется - пока он валялся без сознания, он обмочился, и не один раз... Ладно, сейчас это не самая главная проблема. Надо ползти к двери. Если коридор завален, то... то, скорее всего, это конец. Но если ему повезет еще раз...

Очень медленно и осторожно, волоча за собой изувеченную ногу, Страут, все так же в полусидячем положении, пополз задом к выходу. Простейшая, казалось бы, задача - отыскать дверь - оказалась вовсе не такой простой: поначалу он уперся плечом в стену и долго полз вдоль нее, пока окончательно не уверился, что выбрал неверное направление и вот-вот уткнется в угол - но вместо этого все же нашарил отведенной назад рукой дверь. Повернул ручку - она не открылась. Но, прежде чем паника успела плеснуться в сознание, Страут вспомнил, что сам запер дверь изнутри, как делал всегда, когда приходилось останавливаться в сомнительных гостиницах. Так, где там был ключ... ага, вот он.

Вслепую нашарив пальцем скважину, он вставил и повернул ключ. Со второй попытки дверь - по счастью, открывавшаяся наружу - отворилась, даже ни за что не зацепившись. Отлично, стало быть, в коридоре потолок уцелел... по крайней мере, в этой его части.

По-прежнему спиной вперед Страут выполз из номера, пытаясь сообразить в кромешной тьме, куда теперь - налево или направо. Казалось бы, трудно забыть, с какой стороны выход, но когда приезжаешь в гостиницу поздним вечером с единственной мыслью - поскорее добраться до кровати... Вроде бы налево. Медленно и осторожно, стараясь как можно меньше тревожить левую ногу, Страут пополз туда. Однако вскоре под ладонями у него оказалась земля, а затем он уперся спиной в сплошное нагромождение обломков. Даже в его нынешнем состоянии не потребовалось много времени, чтобы убедиться - коридор завален по всей ширине.

Страут заставил себя успокоиться и еще раз попытался вспомнить тот вечер. Нет, кажется, выход все-таки справа. А налево коридор даже в целом состоянии упирался даже не просто в стену, а в склон горы.

Все так же медленно он пополз в обратную сторону. Где-то здесь должна быть дверь соседнего номера, за которой, возможно, есть вода... Ага, вот она. Но и эта дверь оказалась заперта - а может быть, ее заклинило из-за обломков с внутренней стороны? Если изнутри ничего не подпирает, в нормальном состоянии Страуту, вероятно, не составило бы особого труда выбить такую дверь... но, конечно, не в теперешнем его положении. На всякий случай он все же еще подергал ручку. Нет, бесполезно. Зато... кажется, его нос уловил сочащийся из-под двери запах. Пока еще очень слабый, едва различимый. Возможно, конечно, это были всего лишь испортившиеся продукты... но Страут не стал обманывать себя на сей счет. Да и какая, в сущности, разница. Находиться в замкнутом пространстве с гниющим трупом - возможно, и не одним - не слишком приятно, но если он не найдет способа выбраться, жажда убьет его прежде, чем миазмы разложения.

Он пополз дальше вдоль стены, отталкиваясь ладонями от нее и от пола - и внезапно почувствовал, что его зад навис над пустотой. Тело качнулось, теряя равновесие; Страут инстинктивно попытался схватиться за стену и за пол, хотя ровные плоскости не очень для

этого подходили. Все же после мгновения захлестывающей паники ему удалось вернуться в устойчивое положение; рывок тут же отозвался новой болью в сломанной ноге. Ффух, не хватало еще сверзиться с лестницы...

Но как же ему все-таки спуститься? Страут осторожно опустил руку в пустоту за спиной, интуитивно казавшуюся в этой крошечной тьме бездонной... но, конечно же, пальцы вскоре коснулись холодной поверхности ступеньки. В общем-то, опираясь на руки, вполне можно сползти... если бы не нога. Если он попытается волочить раздробленную конечность вниз по ступеням, то наверняка потеряет сознание от боли, а уж как там при этом сместятся осколки кости... Надо все-таки придумать, из чего сделать шину. Какая-нибудь ручка от швабры... должна же здесь быть подсобка со швабрами? Вот только где ее искать в темноте? Вполне возможно, что она в заваленном конце коридора...

Страуту вспомнилась сцена из какого-то триллера, где герой, выживший в авиакатастрофе, сделал шину для ноги из руки погибшего товарища. Если все-таки добраться до мертвого постояльца из соседнего номера... но чем отрезать руку? Ведь это же надо перепиливать кость, или по крайней мере выдергивать ее из сустава, что тоже, очевидно, не сделать голыми руками, во всяком случае, не на столь ранней стадии разложения...

И тут Страут обругал себя идиотом. Цель авторов триллеров - шокировать зрителя, а вовсе не найти разумное решение. Зачем ему чужая кость, если у него есть своя?! Вторая нога, да. Их надо просто связать вместе. Тот парень в фильме, правда, умудрялся еще и ходить со сломанной ногой. Но Страуту это в обозримой перспективе точно не грозило, так что связанные ноги ничему не помешают.

Для надежности он связал их в трех местах, выше и ниже колен, используя ремень и оба рукава. Без новой боли, само собой, не обошлось, но все же она была терпимой по сравнению с той, что ему уже довелось испытать. Некоторое время он отдыхал, борясь с накатившей волной слабости и тошноты. Затем очень медленно начал сползать по ступенькам вниз, по-прежнему спиной вперед, напрягая относительно здоровую ногу, чтобы она принимала на себя вес больной.

Лестница, насколько он помнил, была короткой, в один пролет - но ему показалось, что он спускается... ну, не целую вечность, как любят писать в книжках, но действительно очень долго. Абсолютная темнота - несравнимая с темнотой обычной ночи, к которой все же можно привыкнуть и начать различать хоть какие-то детали - лишь усиливала это ощущение бесконечного спуска, придавая ему даже некий мистический оттенок. Сошествие в ад... Чушь, сердито сказал себе Страут. Не сошествие, а сползание... на самом деле это даже смешно. Стоит лишь назвать вещи своими именами, и весь пафос и связанный с ним символизм сразу развеиваются.

А затем его пальцы, нащупывающие позади очередную ступеньку, погрузились в ледяную воду.

В сознании мгновенно вспыхнула радость - вода! много! - но эту мысль тут же нагнала другая, испуганная: а насколько много? Что, если весь холл гостиницы затоплен? Хотя, даже если и нет, это еще не значит, что там есть выход - сама-то вода может сочиться сквозь самые крохотные щели... Его рука коснулась твердой поверхности, погрузившись лишь на пару дюймов. Совсем не глубоко. Но это лишь очередная ступенька, а сколько еще таких ступенек уходит в глубину? Что-что, а плавать он сейчас точно не в состоянии. Да и просто окунаться в такую холодную воду - даже если окажется, что она не дойдет ему до лица - совсем не хотелось.

Перенеся вес на одну руку, он принялся шарить другой - все в той же неудобной позе, отводя ее как можно дальше назад, дабы нащупать следующую ступеньку. Но пальцы все время касались твердого все на том же уровне. Видимо, позади него была все же не ступенька, а пол. Ему повезло - лестница кончилась, и, значит, эти два дюйма воды - все, с чем ему придется иметь дело.

Страут сполз на площадку (все же, когда его зад опустил в холодную воду, это не доставило ему удовольствия), а затем толкнулся спиной в дверь, ведущую в холл. Та даже не подумала открываться. Заперта? Завалена? Или, хуже того - удерживается давлением воды снаружи - а то, что просочилось сюда, это всего лишь... Но, прежде чем поднимавшаяся от живота волна страха успела захлестнуть сознание, Страут вспомнил, что дверь просто-напросто открывается в другую сторону. Ему пришлось вновь неуклюже отползти вперед, сгибая ноги и пытаясь нашарить ручку за спиной. Наконец дверь открылась, и он сумел выползти в холл. Вознаграждая себя за долгий труд - кто бы мог подумать, что спуск по нескольким ступенькам может быть настолько тяжелым? - Страут осторожно перевернулся на живот и принялся жадно пить. Он отдавал себе отчет, что пьет грязную воду с пола, по которому ходило множество ботинок - мыли ли вообще пол хоть когда-нибудь в дешевых отельчиках типа этого? - но это не особо его заботило. Он даже не чувствовал никакого привкуса, если тот вообще был - вода была такой холодной, что ломило зубы, и это приглушало работу вкусовых рецепторов. Наконец он утолил жажду и, упираясь локтями в пол, поднял голову. И увидел свет.

В общем-то, не то чтобы полноценный свет. Так, некий отраженный блик впереди-справа, чуть дрожащий на поверхности потревоженной воды - такой слабый, что Страут едва ли заметил бы его, если бы не абсолютная темнота вокруг. Крохотное пятнышко - вероятно, отверстие, через которое этот свет пробивается, диаметром немногим больше кулака. И все же, если это отверстие есть... если он замурован здесь не наглухо...

Страут повернулся на правый бок, так, чтобы левая нога не волочилась по полу, и пополз вперед по залитому водой холлу, отталкиваясь локтями и вертя головой по сторонам в поисках источника света. Вскоре он понял, что свет исходил вовсе не со стороны дверей или окон - там тьма была беспросветной. Да и оттенок его, хоть и показался Страуту в первый миг небесно-голубым, пожалуй что не походил на естественный. Тогда что же это - какая-то техника? Здесь все еще работает электричество? Может быть, это даже экран компьютера за стойкой портье - Страут не мог вспомнить, был ли там компьютер, или в этой дыре по старинке ограничивались записями в книге. Но если был, и он все еще работает - то, возможно, и доступ в интернет... Wi fi, конечно, под завалами не ловится, но кабельное подключение могло и уцелеть, раз уцелела электропроводка.

Но нет, свет исходил не со стороны стойки, также погруженной во тьму. Еще правее, из дальнего угла. Страут, наконец, увидел его источник. Действительно, это был светящийся синим светом экран - хотя и слишком маленький для компьютера, даже для нетбука. Что же там такое? (Он попытался вспомнить и не мог - кажется, просто не обратил внимание, когда регистрировался, мечтая лишь поскорее плюхнуться на кровать.) Автомат по продаже чипсов и газировки? Не так хорошо, как доступ в интернет, но и не самая бесполезная сейчас штука. Даже если он не работает, как надо, его можно взломать... Страут еще усерднее заработал локтями, натываясь на острые осколки камней и почти не обращая внимания на импульсы боли в ноге. Хуже, чем боль, была мокрая одежда, которая липла к полу и мешала ползти.

И вдруг свет исчез. Страут замер. Электричество все-таки вырубилось окончательно? Почему-то это вполне вероятное предположение наполнило его таким отчаянием, словно этот голубой экранчик и впрямь был выходом наружу. Или - мелькнула совсем уж дурацкая мысль - может, у него что-то с глазами?

Но нет, Страут в очередной раз не позволил панике захлестнуть себя. Он вновь протянул руку вперед и уперся во что-то сырое и комковатое. Конечно, груды земли, насыпавшиеся внутрь через выдавленные окна. Эта куча просто закрыла ему обзор. Сдвинувшись вправо, он вновь увидел голубой прямоугольник.

Наконец он подобрался достаточно близко, чтобы разглядеть надпись на экранчике. El banco comercial... Ясно. Никаких тебе чипсов. Банкомат - вот что это такое. Небось, полный наличных, бери - не хочу. Самая, черт побери, необходимая ему сейчас вещь.

Страут невесело рассмеялся. Это ж надо же, чтобы из всей техники, что была в отеле, уцелел и сохранил работоспособность вот именно этот шкаф с резаной бумагой. От которой пользы сейчас еще меньше, чем от туалетной. Этими песо ведь даже подтираться неудобно.

Впрочем, кто сказал, что здесь больше ничего не работает? Может быть, просто электричество осталось лишь в одной розетке - и, если вместо банкомата подключить туда компьютер... Его собственный ноутбук погребен под завалами, но за стойкой портье все же стоит поискать. А если не компьютер, то стационарный телефон. Как знать, вдруг провод уцелел...

Страут сдвинулся вправо и тут же поморщился от резкой боли в правом локте. Он снова сел и, осторожно ощупав в темноте пострадавшую руку, вытащил двумя пальцами вонзившийся чуть ниже локтя довольно крупный осколок стекла. Ну естественно, окна выбиты, и таких осколков тут должно быть множество - даже удивительно, что он не поранился раньше... Ему удалось не порезать пальцы, но все же он ощутил, как по ним струится теплая кровь. Плохо. Не иначе, поврежден крупный сосуд. Самоубийцы обычно перерезают вены в районе запястья, но ведь на самом деле они тянутся по всей длине руки... Не хватало только истечь кровью от паршивого куска стекла! Тем более что, если он и дальше будет ползти по воде, это помешает крови свернуться. Надо сделать перевязку, и потуже. Рукава он уже оторвал, значит, придется дальше полосовать рубашку. Сперва он хотел воспользоваться для этой цели только что брошенным в воду осколком, который, несомненно, резал бы сырую ткань лучше, чем зубчатый край пластиковой карточки - однако затем решил не рисковать. Мало ли, как соскользнут по мокрому стеклу его пальцы, а новые порезы ему нужны меньше всего...

С карточкой пришлось повозиться, но, наконец, ему удалось оторвать от рубашки достаточно длинный лоскут. Зажав один его конец зубами, левой рукой Страут дважды обернул с натягом полоску ткани вокруг предплечья; труднее всего оказалось завязать узел одной рукой. Дважды оказывалось, что повязка слишком слаба, и ему приходилось начинать все заново. Затем узел затянулся крепко, но слишком далеко; распутать его левой рукой Страут уже не смог, пришлось разрезать повязку и отрывать от рубашки еще одну полосу. Наконец ему удалось затянуть узел достаточно туго и на правильном месте, однако вся эта возня так измучила Страута, что он почувствовал, как накатывается противная слабость, обычно предшествующая потере сознания. Затылок ныл от напряжения, в ушах тоненько зазвенело, и у него наверняка потемнело в глазах, но этого он заметить не мог, ибо вокруг и так было совершенно темно. Было ли это следствием кровопотери, или просто общей ослабленности организма?

Все же усилием воли Страуту удалось преодолеть дурноту. Если он свалится в эту воду, то может и захлебнуться. Смешно, конечно - утонуть на глубине от силы в три дюйма, но потерявший сознание человек может захлебнуться даже в тарелке супа... Некоторое время он просто сидел, дожидаясь, пока пройдет дрожь в руках и успокоится затрепыхавшееся сердце. Так, что он хотел? Ах да, проникнуть за стойку, которая должна быть где-то здесь...

Он потрогал повязку на руке, пытаясь определить, остановилось ли кровотечение, но так и не понял. Ткань, естественно, была мокрой, но сколько там воды, а сколько крови, поди определи в темноте. В любом случае, лишний раз мочить рану пока не стоит, в том числе и учитывая, сколько всякой грязи в этой воде... Впрочем, лоскут, употребленный им для перевязки, тоже никак не назовешь стерильным. Ладно. Он снова пополз спиной вперед и вскоре уткнулся в деревянную стенку. Стойка. Теперь найти проход внутрь. Страут попытался вспомнить, как тот выглядел и был ли вообще - или же попасть внутрь деревянного ограждения можно было лишь через дверь в задней стене. Если прохода нет, то дело плохо. Когда бы в прежней жизни он мог подумать, что деревянный барьер чуть выше пояса станет для него непреодолимым препятствием!

Но нет, в этом маленьком отельчике, конечно, был выход из-за стойки прямо в холл.

Дверца в ограждении, да - теперь Страут ее вспомнил... или ему просто так казалось, поскольку он не раз видел подобные в аналогичных заведениях? Он принялся шарить по вертикальной стенке, но она была гладкой. Кажется, дверца была слева. Страут принялся отползать влево, не прекращая ощупывать стенку; его пальцы наткнулись на тонкую щель - но нет, это оказалась лишь щель между соседними листами обшивки. Еще пара минут - и его рука скользнула в пустоту: он добрался до угла стойки.

За углом? Или он все же ошибся, и дверца была с другой стороны? Тьфу, черт - - он же теперь сидит спиной к стойке, значит, "лево" для него справа! Страут пополз обратно. На сей раз он в итоге уперся в препятствие: правая рука ткнулась в комковатое месиво грязи и камней. Очевидно, понял Страут, "язык" из выбитого окна здесь как раз упирался в стойку. Впрочем, завал был не слишком высоким, раз, даже сидя, он все еще видел поверх него синий экранчик банкомата.

Страут пошарил по верху нагромождения. Да, кажется, дверца как раз здесь, заваленная примерно до половины высоты. И открывалась она, разумеется, наружу. Ну что ж, если под этими мелкими камнями и мокрой землей не скрывается какой-нибудь особенно тяжелый валун, он, очевидно, сможет раскопать завал и открыть себе путь.

Подумать это, однако, оказалось куда проще, чем сделать. На место вязкой грязи, которую он отгребал в сторону, тут же напозла новая. Среди камней попадались осколки битого стекла, которыми он еще несколько раз порезал пальцы - правда, кажется, эти порезы были неглубокими; он также частично сорвал три ногтя. Впрочем, копаясь в холодной грязи и подгоняемый не столько даже решимостью или страхом, сколько растущей злостью, он почти не чувствовал боли. В какой-то момент ему попался довольно крупный камень; Страут выворотил его из общей массы и, сжав обеими руками, принялся дальше копать уже им. По форме он мало походил на лопату, но это, по крайней мере, позволяло избегать новых травм...

Наконец Страут остановился, тяжело дыша. Высота завала уменьшилась, но не намного. Такими темпами он скорее перекопает всю гору, чем освободит дверцу... и ведь еще совершенно неизвестно, есть ли хоть что-то полезное по другую сторону барьера. Впрочем, в отсутствие лучших альтернатив...

Стоп. А почему в отсутствие? Просто выломать эту чертову дверцу, и все! Голыми руками у него бы не хватило сил, но перед этим камнем она вряд ли устоит. Или даже просто проломить стенку. Ведь это не какой-нибудь старинный дорогой отель с дубовыми панелями - здесь это, по сути, просто лист фанеры...

Страут вновь обругал себя идиотом за то, что не подумал об этом раньше. Чертовы стереотипы цивилизованного человека, которому мысль "просто сломать" приходит в голову в последнюю очередь... Впрочем, время все же потеряно не совсем впустую - надо же было откопать этот камень, который, похоже, и впрямь для роли тарана подходит куда больше, чем для роли скребка.

Он развернулся боком к стенке и с размаху ударил в нее. Сразу же послышался треск. Да, пожалуй, даже нет нужды вползать на кучу грязи и камней высаживать дверцу - он вполне может проломиться и через стену. Еще удар (треск стал громче и отчетливей), еще...

Вдруг Страут замер. Он хочет попасть внутрь ограждения в надежде, что там могли уцелеть какие-то средства связи. А если там прямо на полу остались и действующие розетки, которые не залиты водой? Стенка вполне могла обеспечить герметичность, ибо щели вокруг дверцы прочно законопачены грязью. И вот сейчас он впустит туда воду, в которой сам же и сидит...

Страут медленно отложил камень, словно тот был неразорвавшимся снарядом, и пошарил вокруг себя в поисках предмета поменьше. Вот небольшой камешек. Страут бросил его через барьер. Звук был тихим и мягким - явно не удар о сухой пол, но и не падение в воду. Черт знает, на что он там приземлился. Надо попробовать еще. Страут выудил из ранее

отгребенной в сторону грязи еще камешек и бросил его, как он надеялся, по несколько иной траектории. На этот раз отчетливо булькнуло. Нет, внутри тоже вода. И, если он до сих пор не получил свой электрошок, значит, опасности нет. Или не значит? Возможно, та вода и эта натекала из разных источников, и контакта между ними нет. Но все равно, если там залило розетки, должен был сработать автомат защиты, отключающий питание. Хотя кто знает - вдруг в такой дыре, как эта, вся защита сводится к плавкому предохранителю, давно замененному на железный гвоздь?

Ладно, сказал себе Страут, не будем думать о людях слишком плохо. Ну не самоубийца же здешний хозяин, меньше всего ему тут был нужен пожар - равно как и отказы техники из-за бросков напряжения, вполне, между прочим, в этой местности вероятных. Уж наверное он предпочел потратить несколько лишних долларов - или сколько там это в песо - на приличные источники питания... Страут вновь поднял большой камень и обрушил его на стенку. Со следующего удара он проломил ее окончательно.

Ничего не произошло. Никакого последнего танца в воде в духе фильмов, где киллеры кидают в ванну включенный тостер. "Иногда вера в людей все же оправдывает себя", подумал Страут. А может, здесь электричество вырубилось при первом же толчке, еще до того, как внутрь проникла вода. Но вот интересно, как высоко над водой находится розетка, питающая банкомат...

Еще несколькими ударами он выломал остатки фанерного листа, избавившись от острых щепок, и, еще раз осторожно ощупав края, полез в проделанный проход.

Почти сразу же под его рукой оказалось нечто, в первый миг показавшееся ему холодной резиной. Но затем он понял, что опирается ладонью на человеческое лицо. Первым побуждением Страута было брезгливо отдернуть руку, но он удержал себя. Раз уж он вынужден довольствоваться осязанием вместо зрения - сюда, в огороженное пространство, не проникал даже слабый отсвет экранчика - все равно придется все здесь ощупать.

Мертвец лежал, скорчившись в небольшом пространстве за стойкой. Понятно, на что такое мягкое упал первые камешек... Странно, но здесь Страут совсем не чувствовал трупного зловония. Из-за холодной воды? Впрочем, утопленники воняют, и еще как...

Однако едва ли этот человек мог утонуть. Он лежал лицом вверх, и вода не доходила ему до рта и носа. Определяя ее границу, Страут провел пальцами по небритой щеке трупа - и вдруг его пальцы провалились в непредусмотренную природой дыру, заполненную чем-то сырым, скользким и непрочным, словно внутренности гнилого кальмара. Понятно, подумал Страут, с отвращением выдергивая пальцы и полоща их в воде. Кажется, он поторопился с выводом о том, что хозяин гостиницы (а в таком маленьком отельчике наверняка он же и исполнял функцию порттье) - не самоубийца. Вряд ли такую дырку в виске мог проделать упавший обломок. Значит, где-то здесь рядом валяется и пистолет. Хозяин, очевидно, держал его под стойкой на случай, если кто-нибудь из визитеров попытается поживиться его не слишком богатой выручкой или просто начнет буянить...

Сперва Страут наткнулся на опрокинутый ящик, выдернутый из стола и валявшийся на полу - скорее всего, в нем и хранилось оружие - а затем уже и на руку с пистолетом. Точнее говоря, с револьвером. Страут с усилием вывернул оружие из окоченевшей руки, поднял из воды, слыша, как она вытекает из ствола, на ощупь выщелкнул барабан, проверил большим пальцем гнезда патронов. Пять пуль еще есть. Хотя, конечно, в нынешнем состоянии оружие едва ли будет стрелять. Но вот уж что ему вряд ли понадобится. Что-что, а следовать примеру хозяина отеля Страут никак не собирался.

Почему, интересно, тот все же сделал это? Потому что гибель гостиницы оставила его без гроша? Или он получил травмы, обрекающие его на жизнь калеки - скажем, выполз сюда с переломанным позвоночником? Или же просто предпочел этот выход медленной смерти под руинами от удушья? Но, понял Страут, в любом случае он сдался не сразу. Поэтому не

чувствуется запах и еще не прошло трупное окоченение. Какое-то время он еще надеялся на спасение...

Нет, сказал себе Страут, я в любом случае буду бороться до конца. Но, похоже, с надеждой обнаружить здесь какие-либо пригодные средства связи приходится проститься. Уж хозяин гостиницы точно знал, где тут у него что - и, раз он не воспользовался ничем, кроме револьвера...

Конечно, Страут не удовлетворился этим сообщением и все равно обшарил все, до чего смог доползти или дотянуться. Он действительно обнаружил залитый водой "пилот", в который был воткнут ноутбук - ныне тоже валявшийся на полу и, очевидно, безнадежно испорченный водой. В том же состоянии пребывал и мобильный телефон, найденный в кармане брюк мертвеца. Комната позади стойки оказалась практически целиком завалена грязью и обломками. В целом, ничего полезного, даже какого-нибудь фонарика или зажигалки, найти так и не удалось.

Страут почувствовал, как вымотали его эти тщетные поиски вслепую. Все же он ничего не ел три дня - да что там, теперь уже почти четыре, был ослаблен серьезными травмами, а теперь еще и был вынужден передвигаться на одних руках, отталкиваясь ими от пола. В сломанной ноге, как он ни старался обращаться с ней как можно более аккуратно, пульсировала боль. Страут устало привалился спиной к внутренней стороне стойки и закрыл глаза (все равно, впрочем, ничего не видевшие), сказав себе, что отдохнет так несколько минут и подумает, что делать дальше. И почти тут же вырубился.

На этот раз, придя в себя, он гораздо быстрее осознал, где он и что с ним. Он услышал тихий плеск; возможно, именно этот звук помог ему проснуться окончательно. Рыба, мелькнула идиотская мысль, которую Страут тут же отогнал. Нет, наверное, какой-нибудь мелкий обломок упал сверху... впрочем, плеск не походил на звучное "бульк!" от падения с высоты. Скорее, что-то шевельнулось в самой воде. Что-то живое? Откуда здесь... нет, не рыба, конечно же - но, может быть, крыса? А вот это запросто. И что, если она тут не одна? В его нынешнем состоянии отбиваться от голодных крыс...

Страут вспомнил о мертвце, лежавшем совсем рядом. Что ж, по крайней мере у крыс есть несопротивляющаяся альтернатива. Возможно, именно к ней они и устремились. Странно, однако, что они не сделали это раньше. Если, конечно, это не шевелится сам мертвец, подумал Страут и усмехнулся. Обстановка, конечно, в лучших традициях соответствующего жанра - мрак и холод, наглухо замурованное подземелье...

В следующий миг ледяные пальцы коснулись его голой левой ноги сквозь прореху в штанине.

Страут не закричал. Впрочем, то не было заслугой ни храбрости, ни твердости материалистических убеждений. Просто ужас спазмом перехватил его горло. А его мочевого пузыря, напротив, непроизвольно расслабился, распространяя тепло в паху.

А затем он обозвал себя уже не просто идиотом, а невежественным суеверным кретином. В том, что мертвец шевелится, нет ничего мистического. Это просто-напросто проходит трупное окоченение - "разрешается", как говорят медики. Страут брезгливо оттолкнул мертвую руку, которая теперь и впрямь была куда более вялой, чем когда он с трудом отнял у покойника револьвер.

И тут же понял, что не чувствует собственной правой руки.

Повязка, вспомнил он. Туго затянутая ниже локтя. Слишком туго...

Страут поспешно попытался левой рукой и зубами развязать узел, который прежде с таким трудом завязал. Тот не поддавался. Спокойно. Без паники. Его пластиковая пилка все еще при нем (увы, никаких ножниц или ножа для бумаги в предыдущих поисках ему обнаружить не удалось), и он может перепилить ткань...

Но сколько прошло времени? Он не знал этого и не имел способов выяснить. Что, если

уже слишком поздно? Если ниже повязки уже начался некроз тканей? Тогда, стоит ему восстановить кровоснабжение - и трупный яд убьет его. Такое как раз сплошь и рядом происходит с жертвами землетрясений, слишком поздно освобожденными из-под завалов...

Он взял левой рукой кисть правой. Это ничем не отличалось от прикосновения к руке мертвеца. Холодный, безжизненный кусок мяса, кажущийся совершенно посторонним, никак не связанным с его телом.

Что же - оставить все, как есть? Исходить из того, что, если его все-таки спасут, лучше потерять руку (даже правую!), чем жизнь? Но, с другой стороны, если пока еще не поздно, то таким решением он сам обрекает свою руку на гибель, когда ее еще можно спасти. И сейчас руки - это все, что у него осталось для перемещения. Ползая, отталкиваясь двумя руками, он еще может, одной же...

И никто его не спасет.

Тогда к чему вообще это все?

К тому, что он принял решение спасти себя сам. И никто это решение не отменял. Как - это уже другой вопрос. Но сидя на месте, он точно проблему не решит.

Ладно. Надо рисковать. В его положении любое решение - это риск.

Он вытащил зазубренную карточку (сделать это левой рукой из правого кармана было не очень просто, он даже выронил ее в воду, но быстро нашарил), затем оттянул зубами повязку, насколько смог, и принялся пилить натянутый край. Тот не поддавался - очевидно, зубцы затупились от прошлого использования. Заточить их прежним способом? Но теперь у него только одна рука. Если вторую карточку зажать зубами, получится ли держать ее достаточно твердо?

Да нет же, есть вариант проще. Он может наточить ребро карточки о край проделанного им пролома. А вот разорвать повязку об этот край лучше не пытаться - еще не хватало напихать в руку заноз...

Его идея сработала. После того, как он обновил заточку, повязку удалось надорвать с краю, а затем и разрезать совсем. Страут принялся массировать и сгибать левой рукой непослушные, безжизненные пальцы правой. Если тем самым он обрекал себя на смерть - ну что ж, значит, он проиграл.

Поначалу пальцы казались совершенно резиновыми, и Страут уже почти отчаялся, но вот в них появилось покалывание, которое быстро становилось все сильнее, превращаясь в какой-то звенящий зуд, а затем и в настоящую пытку, словно его руку пожирала изнутри сотня взбесившихся муравьев. В какой-то момент у Страута даже вырвался стон сквозь стиснутые зубы. Но затем боль растворилась в разлившемся по кисти приятном тепле. Рука, поначалу слабая, вновь повиновалась своему хозяину. Кажется, он все же успел вовремя.

Затем он озабоченно пощупал разрез ниже локтя. Кажется, там вновь выступила кровь. Вот же дерьмо, подумал Страут. Очаровательный выбор между некрозом тканей и смертью от кровопотери. Конечно, если бы наложить повязку как следует - не слишком туго и не слишком свободно... но он сильно сомневался, что сможет сделать это в полной темноте одной рукой и зубами. Впрочем, не стоит сгущать краски - сейчас кровотечение было куда слабее, чем сразу после пореза. Если бы еще не напрягать руку... но такую роскошь он вряд ли может себе позволить.

Несколько успокоившись по поводу руки, Страут обратил внимание на головную боль, тяжело пульсировавшую в висках и затылке. Ясное дело, голод плюс воспалительные процессы, связанные с травмами... впрочем, не только. Есть, на самом деле, не хотелось - напротив, сама мысль о еде вызывала тошноту. Здесь слишком душно, понял Страут. Чудо, что под развалинами осталось так много места и, соответственно, так много воздуха - но его запас все же не бесконечен. К тому же углекислый газ тяжелее кислорода и скапливается внизу. Если бы он хотя бы мог стоять... но, даже если ему и удастся подняться, не потеряв сознание от боли, на

одной ноге долго не простоишь.

Холодно и душно - довольно редкое сочетание... конечно, будь здесь впридачу еще и жарко, это было бы еще хуже. Пить, впрочем, снова хотелось. Страут уже зачерпнул воду в пригоршню и уже поднес к лицу, но тут вспомнил о гниющем рядом трупе и о том, что сам только что обмочился в этой же воде. Нет, здесь он не будет ни пить, ни умываться. Надо выбраться обратно в холл, там вода все же почище - хотя и в ней полно всякой дряни. Вообще, он ведь даже не знает, откуда она сюда просачивается...

Просачивается. Выползая назад через дыру, Страут понял кое-что еще. Все еще просачивается. За время его не то сна, не то обморока уровень воды поднялся. Пока еще не слишком сильно, но...

Вот ведь пожалуйста, невесело усмехнулся Страут - а я еще боялся умереть от жажды. Вместо этого предстоит выяснить, что произойдет раньше - он задохнется или утонет. Но, разумеется, нет. Ни того, ни другого не случится. Потому что он умрет от удара током, когда вода дойдет до розетки, питающей банкомат. Ибо тот все еще светился своим голубым экраном. А в этой воде растворено достаточно всякой дряни, чтобы обеспечить хорошую электропроводность.

Если бы знать, где находится распределительный щит, позволяющий вырубить электричество! Хотя весьма вероятно, что теперь туда не добраться. Во всяком случае, хозяин гостиницы этого не сделал. Или ему было просто плевать?

Впрочем, Страуту было, куда отступать. Надо просто вползти обратно по лестнице. К тому же и воздух там должен почище... хотя не будем забывать про труп в номере, возможно, и не один.

Тем не менее, Страут пополз в сторону лестницы настолько быстро, насколько мог - его охватила почти иррациональная уверенность, что вода уже подобралась вплотную к роковой черте и может замкнуть проводку в любую секунду. Однако, двигаясь в темноте спиной вперед, он сбился с направления. Сперва он уткнулся в очередной завал, потом в стену. Неуклюже обернувшись через плечо, попытался все же разглядеть, где выход: как бы мало света ни давал сравнительно далекий отсюда экранчик, здесь темноту все же нельзя было назвать абсолютной, а его глаза должны были уже привыкнуть. Должна же быть хоть какая-то польза от этого чертова ящика с деньгами...

Внезапно Страут застыл, пораженный новой мыслью. Он рассматривал уцелевший банкомат сперва как насмешку судьбы, потом как угрозу, потом - как очень плохой источник света... и все это время ему не пришла в голову самая главная для него сейчас функция!

Средство связи. Если банкомат все еще подключен не только к электрической, но и к информационной сети...

То что толку? Он может только запросить баланс по счету и снять наличные. Где-то за тысячи миль отсюда компьютер его банка зафиксирует, откуда произведена транзакция. Но компьютер - не человек. Ему не придет в голову сопоставить адрес с сообщениями о землетрясении, которыми сейчас, конечно, пестрят бумажные и электронные СМИ...

Значит, надо как-то привлечь к этой операции внимание человека.

Допустим, он несколько раз подряд введет неправильный код. Тогда его карту заблокируют. Далее служба безопасности банка отправит ему об этом уведомление... Вот только в случае дебитной карты оно будет сформировано опять-таки программой и, скорее всего, придет к нему домой обычной почтой через несколько дней. И ляжет в ящик, к тому времени уже принадлежащий мертвецу.

При подозрительных операциях с кредитками банковские службы более расторопны. Во всяком случае, в его банке точно - Страут уточнял этот вопрос специально, прежде чем завести там кредитную карточку. Здесь уже с ним должен попытаться связаться человек. Позвонив на мобильный - ага, тот самый, что лежит сейчас в его кармане, разряженный и отрезанный

завалами от любых сотовых сетей. Точнее, даже не так - позвонят на его американский номер, привязанный к СИМ-карте, оставшейся в погребенном под завалами чемодане (он собирался настроить переадресацию звонков, но не успел). Альтернативный вариант - е-мэйл, который так и останется лежать на почтовом сервере. Страут жил один. Никто, кроме него, не мог проверить его почту.

Оставив сообщение на автоответчике и отправив е-мэйл, служащий сочтет свой долг исполненным и будет ждать, пока мистер Страут свяжется с ним сам. И все на этом кончится. Даже если служащий обратит внимание на место, откуда пытались снять деньги - ну и что, какой-то там никому не известный латиноамериканский отель. Очень даже похоже на мошенничество или кражу - как он, скорее всего, и подумает, ибо натаскан именно на ситуации такого рода, а о землетрясении может даже и не вспомнить.

Значит, просто добиться блокировки карты недостаточно. Надо как-то дополнительно привлечь внимание...

В следующий миг Страут пополз обратно еще решительней, чем уползал прочь перед этим. Пополз к тому самому банкомату, который мог вот-вот его убить - или спасти его жизнь.

Впрочем, напомнил себе Страут, светящийся экран еще не означает, что связь работает - так же, как и включенный компьютер еще не означает доступа в интернет. А еще интересно, понимает ли эта штука английский. Испанский Страута оставлял желать лучшего - хотя, конечно, для общения с банкоматом не требуется большой словарный запас...

Наконец, не без труда перебравшись через тянувшиеся от невидимых теперь окон "языки" из камней и грязи - увы, вполне проницаемые для воды - Страут дополз до цели и неловко пристроился боком рядом с машиной. Никогда прежде ему не доводилось пользоваться банкоматом, сидя на полу - но все же экран был виден вполне отчетливо, и он мог дотянуться до кнопок. Вытащив кредитку - к счастью, пропиленные им в темноте зубцы не доходили до магнитной полосы - он сунул ее в щель, чувствуя, как бешено колотится сердце. Вот сейчас окажется, что или нет связи с банком, или его карточка не читается, или еще по каким-то неведомым причинам эта штука откажется работать...

Ну да, именно так. Банкомат даже и не думал реагировать. Впрочем, сообщений об ошибке тоже вроде как не было - только светился, как и прежде, логотип местного банка. Страут велел себе успокоиться и вставил карточку другой стороной.

Ага! На экране возникло меню выбора языка - прямо почти как дома, только здесь английский стоял не на первом, а на втором месте. Страут ткнул нижнюю кнопку. Так, "введите PIN-код". Дома при операциях с кредитками PIN-код не спрашивают, но он за границей. К счастью, Страут хорошо его помнил, ибо, что бы там ни советовали специалисты по информационной безопасности, все свои пароли и цифровые коды всегда делал осмысленными. Теоретически это, конечно, снижало их надежность, но на практике - какому злоумышленнику придет в голову, что надо ввести две последние цифры его номера социального страхования и две - мобильного телефона?

Так, код принят, отлично. "Снять деньги." "Кредит." Да, я согласен заплатить 1500 песо за транзакцию из чужого банка... За само по себе снятие наличных в кредит с него, кстати, сдерут еще аж по 25% с каждой операции. Ладно, не об этом сейчас нужно думать... "Введите сумму. У меня есть только банкноты по 2000 и 10000 песо." Хорошо. Вот если бы только один номинал, это было бы проблемой. "2000" - отстучал Страут. "Хотите распечатать чек?" Нет. "Возьмите ваши наличные". Автомат загудел и высунул из щели одинокую купюру. Страут сунул ее в карман рубашки. "Ваша транзакция завершена. Спасибо." Даже не спросил, хочу я ли выполнить еще одну, сволочь электронная! Впрочем, в любом случае пришлось бы вводить код и все прочее сначала... "Английский." Код. "Снять деньги." "Кредит." "Согласен." "2000." "Нет." Гудение. "Английский." Код. "Снять деньги..." Черт, до чего же это утомительно! Лучше, конечно, чем ползать на руках по развалинам, но...

Он еще раз снял двушку. Теперь - три раза по десятке и снова трижды двушку. Три точки - три тире - три точки. SOS.

Сотрудник службы безопасности банка просто обязан обратить внимание на эти в высшей степени странные операции, когда через один и тот же банкомат в течение считанных минут последовательно снимают по одной купюре!

Впрочем, сообразил Страут, это для него здесь это купюры. А для служащего в Штатах - совершенно некруглые мелкие суммы в долларах. Теоретически, возможно, даже и не одинаковые, если, пока он жмет все эти кнопки, курс успеваает поменяться - что в условиях кризиса, вызванного землетрясением, в принципе возможно. Но в любом случае, ясно же, что ни один вменяемый клиент не станет снимать деньги вот так, по кусочку, платя за каждые 2000 песо еще по 1500! Впрочем, и ни один вменяемый вор такого делать тоже не будет... Весь вопрос в том, как настроена программа, предназначенная для отслеживания подозрительных транзакций. Ведь первичный вывод должна сделать именно она, и лишь потом данные попадут к человеку.

Программа оказалась настроенной даже слишком хорошо. От второй буквы S ему удалось ввести лишь первую "точку". Дальше автомат сообщил, что операция не может быть выполнена, и посоветовал связаться со своим финансовым учреждением. Если бы у машины было чувство юмора, в этом месте можно было бы посмеяться.

Вместо SOS, таким образом, получилось SOE. Бессмыслица. Догадаться, конечно, можно, учитывая, что очередная операция была заблокирована. Но это если знать, о чем догадываться... А если этот служащий вообще не читает газет и не смотрит телевизор - и о землетрясении просто не знает? Просматривает только деловые колонки на каких-нибудь специализированных сайтах. Страуту доводилось встречать людей, которые даже гордились тем, что не интересуются никакой "посторонней ерундой". "Мне платят не за это", любят говорить они...

Но нет, мощное землетрясение в не последней из южноамериканских стран - это такое событие, о котором должны были писать даже на экономических сайтах. В конце концов, оно может иметь серьезные последствия для всех инвесторов в местную экономику. А отголоски столь сильных толчков, пусть и ослабленные до полной безопасности, должны были ощущаться даже в Штатах.

Но тут Страут вспомнил, что с момента землетрясения прошло уже около четырех дней. Спасательные работы все еще продолжаются, окончательные размеры ущерба только подсчитываются, но новость успела сойти с первых полос американских газет. И кстати говоря, какой сегодня день? Если предположить, что с момента, когда он очнулся в номере, прошло около полусуток, то... получается, ночь с субботы на воскресенье. М-да, не самое лучшее время. Хотя банковские службы безопасности, по идее, должны работать круглосуточно...

Так, ладно. Сколько у него все-таки времени, прежде чем вода замкнет проводку? Страут попытался определить, где именно подключен банкомат, но не смог сделать этого в темноте. Шарить мокрыми руками по задней стенке на ощупь он не рискнул - да и, похоже, не так просто было просунуть туда руку. Уползать немедленно или все же сделать еще одну попытку передать информацию? У него еще остается дебитная карта. Контроль по операциям с ними не такой строгий, как по кредиткам, но все же некий механизм отслеживания подозрительных транзакций должен быть и здесь. Попадут ли данные к человеку, или все ограничится автоматикой, вот в чем вопрос. Но если есть хоть какой-то шанс...

Шанс получить удар током в воде, напомнил себе Страут. Но, в любом случае, безопасного выбора в его положении все равно нет.

...Снова все те же самые операции, только с другим типом карты. На сей раз ничто не помешало ему отправить (точнее, снять) "SOS", но этим он решил не ограничиваться. Пока есть возможность передать дополнительную информацию, надо этим пользоваться. Азбуку Морзе

Страут выучил еще в детстве, в бытность скаутом. С тех пор, правда, в ней не практиковался, но, говорят, детские знания - самые прочные...

Он решил передать "TRAPPED IN DEBRIS"¹. Не слишком длинно? Исчерпать деньги на счету он не боялся, местные 10000 - это всего лишь двадцать с чем-то долларов, но ведь есть и суточные лимиты по снятию наличных - причем они могут быть не только в его банке, но и в том, которому принадлежит банкомат. Страут принялся перебирать в уме буквы, заодно проверяя, насколько хорошо их помнит. В какой-то момент он чуть не запаниковал, поняв, что не может вспомнить код буквы D, но заставил себя успокоиться и начал перебирать буквы уже по алфавиту, как когда-то в детстве. А - точка тире, В - тире три точки, С - тире точка тире точка, D... ну же, ну... ладно, попробуем дальше, как будто ничего не случилось: Е - точка, F... эээ... F - две точки тире точка, G - два тире точка...

D - тире две точки, выщелкнул, наконец, мозг.

Всего получилось 11 тире и 26 точек. 162 тысячи. Звучит внушительно, но только в песо. А так это что-то около 350 долларов. Да, еще плюс уже использованный SOS... но все равно, это может превышать разовый лимит, но уж наверное не суточный - даже для местного банка.

Ладно, поехали.

Он принялся торопливо жать на кнопки. Все-таки, когда для передачи даже не одной буквы, а кусочка буквы требуется столько действий... Чтобы не сбиться, он непрерывно повторял про себя, как мантру, до снятия каждой очередной купюры: Т-тире, Т-тире, Т-тире... R-первое-точка, R-первое-точка, R-первое-точка... R-второе-тире, R-второе-тире, R-второе-тире... R-третье-точка, R-третье-точка...

Он дошел уже до второго R и тут понял, что торопился зря. Гипотетический аналитик на другом конце получит не буквы, а сплошную мешанину. Между буквами надо делать паузы! В условиях, когда на каждую точку или тире и так уходит не меньше минуты, это просто не пришло ему в голову... Но какими именно должны быть паузы в таком режиме, чтобы банковский аналитик (видящий, разумеется, точное время транзакций), обратил на них внимание? Минут по пять? Это сколько же он провозится?

Страут почувствовал, что у него кружится голова. Сердце забилося мелко и часто где-то в районе горла. Ну да, разумеется, сильнее он не становится, да еще и кровопотеря... Остановилась ли хотя бы теперь кровь? Он попытался осмотреть разрезанную руку в синем свете экранчика. Смыл старую кровь, некоторое время вглядывался в порез. Вроде новые капли не проступают, но кто знает - особенно когда он снова поползет, прилагая усилия...

Так, об этом будем думать потом. Сейчас надо закончить передачу. Пусть не пять минут на паузы, пусть поменьше... главное - не вырубиться, пока он не закончит. А потом еще успеть уползти на сухое место, то есть на лестницу... охх. Ладно, проблемы надо решать поступательно.

Он не решился начинать все заново, теперь уже с паузами. Будем надеяться, что по характерной последовательности "SOS" в начале и "...PED IN DEBRIS" аналитик догадается о буквах в середине. Кстати, PED IN DEBRIS даже само по себе имеет смысл - "пешеход в завалах".

И все же он не представлял себе, что снимать деньги через банкомат может быть так тяжело физически. Конечно, играло роль не только его общее состояние и нехватка свежего воздуха, но и то, что ему приходилось сидеть боком на полу, задрав и повернув голову. При такой позе пережимаются сосуды шеи и ухудшается снабжение мозга кислородом. Паузы оказались даже спасением - во время каждой из них он опускал голову и отдыхал. Если бы не это, он бы наверняка свалился, не закончив фразы. Да уж, потерять сознание рядом с автоматом, который вскоре коротнет на воду - только этого ему и не хватало!

¹ блокирован в завалах (англ.)

В-четвертое-точка... отдыхаем, голову вниз, помассировать ноющую шею... R-первое-точка... R-второе-тире... R-третье-точка...

Вместо привычного гудения банкомат выдал какую-то надпись. Лимит? Блокировка?
"Введите сумму, кратную 10000."

Ах ты скотина железная! Кончились двухтысячные купюры! Когда вообще этот ящик заполняли деньгами в последний раз? Сейчас не сезон...

При этом у самого Страута уже карман едва не лопался от этих купюр - вот только запихать их обратно в банкомат он не мог. Функции приема денег у машины не было.

Значит, и эту передачу ему закончить не судьба. Дальше, как на грех, должны идти одни только точки, шесть подряд! А вместо этого - что у него получилось? TRAPPED IN DEBA. Опять бессмыслица. Типа, помогите, увяз в дебатах, ага. И то еще надо понять, что месиво из точек и тире в начале - это TRAP.

Ладно. Он сделал все, что мог. Сколько он провозился с этой парой десятков букв? Наверное, часа два, не меньше. На сколько поднялась за это время вода? Кажется, к счастью, не очень сильно, но это везение не будет длиться бесконечно. Надо убираться отсюда. Впрочем, раз его дебитная карточка до сих пор не заблокирована, надо все же добиться этого, чтобы привлечь внимание к предыдущим операциям. Он дважды подряд ввел неверный PIN-код, а затем торопливо - насколько данное наречие подходит к такому способу перемещения - пополз прочь.

К тому времени, как он добрался до лестницы, в ноге вновь пульсировала боль, заставлявшая его стонать сквозь зубы, руки, непривычные к таким нагрузкам, дрожали от слабости (и, кажется, он еще в нескольких местах поранил ладони), по лицу и груди, несмотря на холод, противно тек пот, голова раскалывалась, и лишь усилием воли он все еще удерживал себя в сознании. Но нижняя ступенька все еще не была спасением - как не мог он и улечься прямо на лестнице. Предстояло втащить себя по ступенькам вверх - и вот это уже обещало быть пыткой, на фоне которой меркли предыдущие.

Обойтись одними руками тут было невозможно. Он поневоле вынужден был помогать себе относительно здоровой ногой, тревожа при этом и раздробленную. От боли перехватывало дыхание, из глаз градом катились слезы. В какой-то момент он остро позавидовал мертвому хозяину и пожалел об оставленном внизу револьвере - но через несколько секунд уже вновь яростно гнал от себя эти мысли. "Не для того я столько мучился, чтобы все это оказалось напрасно!"

Когда, привычно нашаривая в полной темноте очередную ступеньку, он понял, что вокруг только ровный пол, то сперва не поверил своему счастью. Но нет, он действительно дополз до коридора второго этажа - точнее, полуторного, учитывая планировку выстроенного на склоне горы здания. И лишь убедившись в этом, он позволил себе потерять сознание.

Его очередное возвращение в реальность было до жути похоже на первое. Абсолютная тьма, боль в ноге и пересохший от жажды рот. Ну да, он так спешил убраться от воды, грозившей ему смертью внизу, что совершенно не подумал об отсутствии воды наверху. Надо было взять с собой какой-то запас... наполнить емкость... вот только какую? Не ящик же стола, в самом деле - он бы не смог втащить его сюда...

Сколько еще прошло времени? Час, пять, сутки? Пожалуй, жажда тут ни о чем не говорит - в его нынешнем состоянии, да еще после всех усилий, она могла возникнуть очень быстро. А вот воздух... да, воздух определенно стал значительно хуже. И это притом, что здесь кислорода больше, чем внизу. И трупное зловоние стало куда отчетливей.

Сколько вообще требуется времени, чтобы вытащить его отсюда - даже если его усилия увенчались успехом? Пока аналитик службы безопасности банка, одного или другого, разберется в его послании... пока свяжется с соответствующим отделом Госдепартамента, а тот, соответственно - с американским посольством в этой стране... пока посольство оповестит

местных спасателей... и то еще вопрос, насколько резво те кинутся откапывать одинокого гринго в горах, пока внизу под завалами все еще остается множество их соотечественников...

И с чего он, кстати, взял, что эти самые банковские служащие знают азбуку Морзе? Что им вообще придет в голову, что это морзянка? Хотя - как звучит SOS, знают, наверное, почти все... Почти, да.

Впрочем, будем надеяться на лучшее, раз уж больше все равно ничего не остается. Кстати, здесь могут находиться и команды американских спасателей, присланные для помощи местным. Если информацию передадут напрямую им, операция может заметно ускориться. Да и техника у них, возможно, лучше...

Так или иначе, он сделал все, что мог, и теперь оставалось только ждать.

И это оказалось тяжелее всего. У него вновь разболелась голова, и ей аккомпанировала пульсирующая боль в ноге. На фоне этих двух главных болей все прочие - ноющие мышцы рук и плеч, саднящие порезы - были сущей ерундой, но все же удовольствия и они не добавляли. Противная, тошнотная слабость разлилась во всем теле; Страут не чувствовал себя в состоянии ни заснуть, ни бодрствовать. И дальше будет только хуже, понимал он. Он теряет силы, и кислорода остается все меньше. Но помимо объективного ухудшения его состояния есть и субъективные причины. Пока он был занят делом, пока боролся, выбиваясь из сил - это мобилизовало и отвлекало от боли и слабости. Теперь же, когда все, что он может - это просто лежать в полной темноте... Бездействие многократно усиливает пытку: минуты кажутся часами.

Страут пытался отвлечься. Сперва он принялся составлять в уме доклад для своего нанимателя - доклад, в котором теперь уже, очевидно, отпала нужда - но мыслительные усилия лишь увеличивали головную боль и тошноту. Тогда он попытался расслабиться, думая о чем-нибудь легком и приятном. Отпуск... когда в последний раз он устраивал себе полноценный отпуск? Два... нет, уже три года назад. Поездка на Гавайи, да. Впрочем, это был все-таки не совсем отпуск. Он сам себе говорил, что едет наслаждаться морем и солнцем, но в первую очередь его все же интересовали местные проявления вулканической активности... И собственно пляжных развлечений ему хватило на три дня. А дальше он таки свел знакомство с доктором Фэгентсом и его коллегами из Гавайского Института Геофизики и Планетологии, чьи статьи читал и прежде, и они весьма конструктивно пообщались... Фэгентс, как выяснилось, тоже читал его работы... в том числе удалось поучаствовать в ряде интересных измерений на местности, и в конце концов это вылилось в совместную публикацию... Отпуск, да. Именно так и следует проводить отпуск мыслящему человеку. И к счастью, дома не было никого, кто стал бы его в этом разубеждать.

Он никогда не жалел о том, что так и не женился. Меньше всего он нуждался в этом пошлом сюжете, обсосанном в сотнях фильмов - "ты женат не на мне, а на своей работе!" Причем, что его особенно возмущало, в финале таких фильмов трудоголик, как правило, раскаивался и заявлял, что самое главное в жизни - это семья. Самое главное - для кого? Для самца орангутана? Продолжать род способны и тараканы, и кстати у них это получается намного лучше, чем у людей. А вот заниматься наукой... Нет, даже соверши он по молодости такую глупость, как женитьба - в его случае дело кончилось бы, конечно, не покаянием, а разводом. Как там у Курта Воннегута: хотите жениться - не тратьте время впустую, лучше сразу найдите женщину, которая вас ненавидит, и отдайте ей свой дом.

Да, все это были верные рассуждения, в которых он ничуть не сомневался и теперь. И все же сейчас в его пустой квартире некому снять трубку и некому проверить почту. Естественно, было бы глупо ломать всю свою жизнь ради такого вот маловероятного гипотетического случая. Все равно что всегда ходить в каске из страха, что когда-нибудь на тебя упадет кирпич. Но если кирпич все-таки падает, а каски нет...

Меж тем голова болела так, словно на нее и впрямь рухнул кирпич. Впрочем, теперь Страуту уже казалось, что кирпич был бы не худшим вариантом. Расколоть череп, чтобы

выпустить эту жуткую боль наружу... Он понимал, конечно, что это глупость, но воображение упорно рисовало именно такую картину. Обычно, если ему случалось страдать от головной боли и под рукой не было таблетки, Страут искал облегчения в быстрой ходьбе или беге - в первый момент становилось еще хуже, но затем сосуды все же расширились, пропуская быстро циркулирующую кровь. Но сейчас это для него, понятно, не вариант... Да еще эта чертова вонь. И без нее тошно, во всех смыслах... Проблеваться бы, что ли - может, хоть так станет легче...

Он попытался - впервые в жизни - вызвать рвоту, сунув пальцы в рот, но не преуспел. Горло спазматически сократилось, но рвоты не было. Вместо этого он закашлялся из-за попавшей в глотку грязи. Это было еще большей мукой; ему казалось, что или он сейчас задохнется, или у него хлынет горлом кровь, и к тому же каждая судорога кашля отзывалась взрывом боли в затылке, висках и лбу. Когда ему, наконец, удалось остановиться, все его лицо было мокрым от слез.

Пить, подумал Страут. И умыться. Лить пригоршнями на голову холодную воду - может, хоть это принесет облегчение... Но это означает снова ползти вниз по лестнице с его ногой, которой, кажется, стало только хуже...

Некоторое время он выбирал между двумя пытками, но в конце концов понял, что больше не может выносить головную боль. Нет, что угодно, только не это! Пусть уж лучше нога... а если он потревожит ее слишком сильно, может быть, снова потеряет сознание - тоже не худший вариант... Эта мысль заинтересовала его; он даже подумал, не ударить ли себя по ноге специально, чтобы вызвать болевой шок - но решил, что все же не стоит. Скорее всего, он лишь вззоет от боли, но блаженного забытья так и не получит... и неизвестно, как там еще сдвинутся обломки кости и к чему это приведет...

А вода нужна в любом случае. Вода - это жизнь, да. Расскажите это утопленникам...

Страут снова пополз по ступенькам вниз, удивляясь, насколько трудно ему это дается даже по сравнению с первым разом. Очевидно, он и впрямь сильно ослабел. Сколько же все-таки прошло времени? И сможет ли он потом втащить себя обратно?

Мелькнувшая у него надежда, что боль в ноге хотя бы отвлечет его от боли в голове, не оправдалась. Казалось, они лишь усиливают друг друга. Но сознания он тоже не потерял. В конце концов он все-таки сполз в холодную воду, покрывавшую нижнюю площадку. Уровень воды определенно поднялся, но не так сильно, как он предполагал. Значило ли это, что он неправильно оценил время, или же вода стала прибывать медленней? Он ведь даже не знает, откуда она здесь берется. Если выливается из какой-нибудь лопнувшей трубы, то эту трубу могли, наконец, перекрыть, или вышел из строя насос, который ее наполнял. Если же это естественный ручей, текущий с гор и сменивший русло в результате землетрясения, то его новое русло могло забиться мусором и вновь пустить поток по новому пути...

Так или иначе, когда его ноги погрузились в холодную воду - теперь уже целиком - боль слегка отступила. Страут принялся, как мечтал уже... сколько? полчаса? час? - горстями лить воду на голову, что тоже принесло временное облегчение. В то же время холодная жидкость, лившаяся на грудь и за шиворот, удовольствия не доставляла. Страут почувствовал, что его зубы выбивают дробь. Для полноты счастья не хватает только простуды. Впрочем, от чего он наверняка не успеет умереть, так это от гриппа или воспаления легких. Ибо прочие причины... Это так же забавно, криво усмехнулся Страут, как когда читаешь, что кого-то приговорили к нескольким пожизненным срокам. Впрочем, кажется, приговаривать сразу к нескольким смертным казням не додумался еще никто...

Только тут он вновь подумал об ударе током. Пока он мучительно сползал вниз, эта мысль совершенно выпала из его головы. Должно быть, потому, что он был подсознательно убежден - вода уже замкнула все, что могла замкнуть, и автомат защиты отрубил последнее электричество. Но теперь он уже не был в этом уверен.

Страут отполз еще дальше назад и снова увидел синий блик на воде.

Его первой мыслью было немедленно ползти обратно на лестницу. Возможно, будь у него достаточно сил, он бы и впрямь рванул туда, но слабость сделала его более рассудительным. Когда тебе грозит столько способов умереть, стоит остаться на месте и подумать, где риск, а где верная гарантия гибели...

Предположим, все его усилия пропали впустую. На его морзянку никто не обратил внимания, а если и обратил, то не понял. Его никто здесь не ищет и не будет искать. Может ли он предпринять еще одну попытку, пока банкомат все еще работает? Там остались только однотипные купюры, так что морзянка исключается. А главное, у него больше нет действующих карточек...

Первая проблема, впрочем, разрешима. Если снимать суммы, кратные номеру буквы... Какая там у нас по счету S? Страут принялся считать, загибая пальцы. 19, а O, кстати, 15. То есть, чтобы передать SOS, надо снять 190000-150000-190000. Всего три транзакции вместо долгой возни с точками и тире. И как он только не подумал об этом раньше?! Будь он в лучшем физическом состоянии...

Впрочем, тут же одернул себя Страут, 190 тысяч - и даже 150 - уже запросто могут превысить разовый лимит, а все вместе так даже и суточный. Можно ли сформулировать более дешевый призыв о помощи? HELP... нет, там тоже P все портит. AID? Ну, может быть... хотя обычно это слово не используется в качестве императива. А главное, уж если он не уверен, что распознают его морзянку, то распознать в снятых суммах порядковые номера букв еще сложнее. Можно ли как-то упростить задачу? Цифры... цифры, означающие призыв о помощи... ну конечно! 90000-10000-10000. 911.

На миг он испытал прилив радости, всегда сопровождающий озарения, но тут же вспомнил, что сам, своими руками отрезал себе возможность послать новый сигнал, добившись блокировки своей второй и последней карточки. Если бы он с самого начала использовал этот принцип вместо невнятного ...PED IN DEBA! Но теперь поздно. Слишком поздно.

Затем, однако, он вновь вспомнил кое-что еще, охладившее его злость: американский аналитик вместо столь ясных и прозрачных чисел все равно увидел бы совсем некруглые суммы в долларах. К тому же еще искаженные дополнительной платой за снятие...

Нет, это безнадежно. Похоже, ему действительно осталось только ждать и... Верующий сказал бы "и молиться", но Страут был убежденным атеистом. Он знал, что толку от молитв ровно столько же, сколько и от телефонных звонков, звучащих в пустой квартире.

Некоторое время он размышлял об аналогии между молитвой и звонком. Доходят ли молитвы из-под завалов или, к примеру, из фронтовых блиндажей, в которых якобы нет атеистов? Что, если они просто-напросто экранируются? Или еще проще - что, если номер, которым пользуются молящиеся, вообще отключен за неуплату? Или у них самих, или у их абонента...

Обстановка как будто не располагала к юмору и сатире, но, по крайней мере, это помогало отвлечься от головной боли. Впрочем, помогало не слишком хорошо. Страут вновь зачерпнул холодную грязную воду и вылил ее себе на лицо. Надо снова ползти наверх... но там у него не будет даже этого облегчения - одни только растущие вонь и духота. Или, мелькнула малодушная мысль, остаться здесь и ждать, пока удар тока положит конец его мучениям?

Не смей, сказал себе Страут. Это всего лишь телесная слабость, и она не имеет права командовать его разумом. И, кстати, совсем не обязательно забираться снова на самый верх, под дверь комнаты с гниющим трупом. Надо устроиться на нижних ступеньках лестницы - выше уровня воды, но так, чтобы можно было в любой момент нагнуться и зачерпнуть ее. Хотя спать на ступеньках не слишком удобно, особенно с его ногой...

Какая-то идея царапнула сознание Страута и снова ушла. Он попытался поймать ее, шаг за шагом восстанавливая недавние мысли. Молитвы... телефоны... боль... труп...

Труп, да. У мертвого портье не нашлось ничего полезного, но как насчет мертвого

постояльца? Первой надеждой Страута было отыскать какие-нибудь медикаменты - лучше всего обезболивающее - хотя он тут же понял, что на это шансов мало. Даже если тот парень (почему парень, кстати? это могла быть и женщина!) и возил с собой аптечку, в полной темноте в ней все равно не разобраться. Хотя, если там найдется и что-нибудь, чем можно светить... не электроприбор, так спички или зажигалка - среди латиноамериканцев много курильщиков. Вообще Страут терпеть не мог табачную вонь, и скажи ему кто-то неделю назад, что он станет возлагать надежду на эту дурную привычку... А еще в том номере могла отыскаться какая-нибудь неиспортившаяся еда. Мысль о пище по-прежнему вызывала лишь тошноту, но Страут понимал, что надо подкрепить свои тающие силы.

А еще у мертвеца может быть банковская карточка. Здесь они не так распространены, как в Штатах, многие по старинке предпочитают платить наличными - да и принимают карточки не везде - но все-таки...

И что ему это даст? Он все равно не знает PIN-код.

Ладно. В любом случае, сначала надо открыть дверь. Ключ... у портье должен быть ключ. Землетрясение сбросило их с доски на стене (Страут вспомнил, как натыкался на парочку их под водой, когда шарил в темноте вокруг трупа портье) - но в любом случае, эти ключи ему бесполезны. Раз постоялец в номере, то и его ключ при нем. Однако у хозяина гостиницы должен быть и второй комплект ключей. Наверняка в каком-нибудь ящике за стойкой.

И он опять пополз - сперва навстречу сулящему электрическую смерть в любой момент экранчику, затем, через проделанную ранее дыру - в черноту за стойкой. Уже во время этого пути он понял, что никакого ящика с аккуратно уложенными по гнездам ключами не найдет. Уже не нашел - он ведь уже обыскивал там все, до чего смог дотянуться, и не мог вспомнить ничего подобного. Или просто не обратил внимания, потому что думал тогда не о ключах?... черт, от нехватки питания и кислорода мозг, должно быть, совсем плохо соображает... нет, все-таки должен был обратиться...

Новое обследование на ощупь подтвердило - в ящиках, из которых несколько были выдвинуты на разную длину, ключей не было. Какая-то канцелярская мелочь, бумаги... в одном таки ключи, но совершенно бесполезные - от автомобиля. Но не все ящики были на своих местах. Два валялись на полу, то есть теперь уже в воде. Вероятно, хозяин гостиницы яростно выдергивал их, вслепую ища в темноте револьвер. И, скорее всего, один из них и оказался ящиком с ключами. Тогда ключи на полу - это не только те, что упали со стены, и придется шарить под водой, собирая их все. Страут не был уверен в том, какой номер ему нужен - его собственный был, кажется, третьим, но в каком порядке здесь были пронумерованы двери? - но главное, на ключах не имелось никакой гравировки, номера были попросту написаны от руки на квадратных картонках, надетых на кольца, так что определить нужную цифру на ощупь было невозможно. Сейчас эти картонки еще и размокли в кашу... так что, очевидно, единственный выход - перебирать все ключи подряд, ища, какой подойдет. Страут освободил карманы рубашки от мешавшихся денег - сперва он хотел просто швырнуть их в воду, но потом все же сунул в один из нижних ящиков, не столько из почтения к купюрам, сколько для того, чтобы не пугались под руками при поисках - и принялся шарить по затопленному полу.

К счастью, в огороженном пространстве за стойкой пол не был покрыт жидкой грязью, как снаружи, но искать ключи все равно было нелегко. Мешался мертвец, занимавший большую часть свободного места. Страут подумал было вытащить его наружу, но понял, что в своем нынешнем состоянии едва ли сможет вытолкать тяжелый, липнувший к полу труп через дыру. Тогда Страут попросту влез сверху на мертвое тело. Труп испустил печальный вздох, выпуская из легких скопившийся там зловонный воздух едва ли не прямо в лицо нарушителю покоя - и вот тут Страута вырвало.

Ничего не евший уже несколько дней, он блевал практически одной желчью, но не мог остановиться. Тело сотрясали все новые мучительные спазмы; ему казалось, что он сейчас

выблует собственные кишки. Когда судороги, наконец, утихли, он чувствовал себя таким слабым, что пару минут просто сидел, не двигаясь, думая даже не об омерзительном вкусе во рту, а лишь о том, как бы не потерять сознание. Затем вялыми, заторможенными движениями принялся кое-как смывать рвоту с рубашки. А потом все же продолжил поиски в грязной воде вокруг.

Рвота все же помогла - головная боль стала слабее (хотя дергающая боль в ноге на этом фоне сделалась лишь отчетливей). Но нашарить удалось лишь четыре ключа. Это из, предположительно, двух комплектов! Где же остальные? Страут вновь и вновь торопливо шарил вокруг себя, не забывая о неотступной угрозе электрического удара. Впрочем, продолжал ли подниматься уровень воды, он не мог сказать...

Затем он в который раз выругал себя за глупость. Почему он ищет лишь вокруг трупа?! Ведь тот, очевидно, упал на пол уже после того, как вытряхнул туда ящик!

Страут слез с мертвеца и с неожиданным трудом перевернул грузное, скользкое, словно бы вяло сопротивлявшееся тело; в узком пространстве за стойкой его некуда было отодвинуть, и оно все норовило завалиться обратно. Наконец Страуту удалось придать трупу более-менее устойчивое положение и обшарить место, прежде находившееся под спиной у покойника. Его предположение подтвердилось - большинство ключей валялись именно там, вывалившись из ящика практически компактной кучкой. В общей сложности ему удалось отыскать тринадцать ключей. Все это или нет? Сколько здесь было номеров и сколько постояльцев? Он знал лишь о двух, включая себя; если это все, то оставшихся ключей должно было быть четное количество...

Он перекатил мертвеца в другую сторону и снова принялся обшаривать пол, но на этот раз безуспешно. Какова вероятность, что тот самый единственный ключик, который ему нужен, так и остался лежать в какой-нибудь неприметной щели? В триллере наверняка вышло бы именно так. Но в реальности тринадцать ключей (гм! прелестное число!) все же дают ему весьма хороший шанс. Ладно. Он и так уже слишком долго искушает судьбу. Пора выбираться на сухое и безопасное (ха! безопасное! в его-то положении!) место.

Снова вверх по лестнице. Новая-старая попытка. Разве что на сей раз ему хотелось не разmozжить себе голову, а отрубить ногу. Хотя, если бы он и имел возможность это сделать, это не избавило бы от боли, а лишь переместило бы ее область вверх... А ведь, мрачно подумал Страут, возможно, этим и кончится. Там не только раздробленные кости, там еще раны и ссадины ... а он тут ползает в грязной воде, где гниют покойники... запросто может быть и гангрена. Но в темноте ему все равно не понять, что творится с его ногой. А если бы он даже и понял, то ничего не может поделать. Если бы он раньше озаботился поисками аптечки... а впрочем, все равно бы не помогло. Какие медикаменты могут быть с собой у обычного гостиничного постояльца? Что-нибудь от головной боли и от расстройства пищеварения, возможно, снотворное, плюс, если он сердечник, астматик или диабетик, что-нибудь соответствующего профиля - ну и какой-нибудь пластырь, полезный для ноги, натертой ботинком, но никак не перебитой рухнувшей балкой.

А скорее всего, никакой аптечки в том номере и вовсе нет.

Ладно. Не ныть. Ползти. Как бы ни было больно. Больно - значит, все еще жив.

...Дверь. Наконец-то. Не верится, что он все же смог сюда добраться. Несколько ступенек и пара ярдов по коридору, да. Сможет ли он проделать такой путь еще раз? Вряд ли. Но и не понадобится. Наверное, не понадобится. Хотя - лучше все-таки сползти поближе к воде и ждать спасателей там...

Страут нащупал сперва ручку, потом, вниз от нее - замочную скважину. Так. Теперь ключи. Первый, конечно же, не подойдет... Страут попытался его вставить и выронил - так дрожали ослабевшие руки. Заставил себя успокоиться, восстановить дыхание; некоторое время просто посидел, отдыхая, привалившись плечом к двери. Затем нашарил упавший ключ, вставил его снова. Тот с послушным клацаньем вошел в скважину и даже слегка повернулся - но затем

застрял. Нет. Не тот. Страут вытащил его, хотел бросить, затем передумал, сунул в карман брюк - ну как уронит еще один, не хватало только перепутать их потом на полу...

Второй ключ, само собой, тоже не подошел. И третий тоже. Страут с усмешкой подумал, что по законам жанра подойдет непременно последний, и поэтому с него-то и надо было начинать - если бы только знать, какой из них "последний"...

Подошел восьмой.

Страут отполз в сторону, освобождая место, и потянул на себя дверь. Она скрипнула, но открылась легко. Вонь, к которой он вроде бы уже успел привыкнуть, ударила в ноздри с новой силой. Страут скривился и стал дышать через рот. Да, отыскать постояльца здесь было бы нетрудно даже в кромешной темноте... впрочем, ему нужен не сам покойник, а его вещи. В отличие от самого Страута, погибший едва ли спал в одежде... но куда он дел свою сумку или чемодан - поставил в шкаф, бросил в угол, затолкал под кровать? В последнем случае ползти на запах все же придется.

Страут, привычно уже спиной вперед, наугад двинулся в темноту и почти сразу же ударился затылком - неожиданно больно, несмотря на маленькую скорость. Да, разумеется - здесь тоже обвалился потолок, иначе постоялец остался бы жив. Но, похоже, под рухнувшими перекрытиями все еще остается щель, в которую можно пролезть. Только нужно ли? Где здесь шкаф? (Страут постарался вспомнить расположение мебели в собственном номере.) Возможно, что он выдержал удар и до сих пор стоит...

Однако надежда на то, что шкаф держит на должной высоте хотя бы часть потолка, не оправдалась; Страут вскоре убедился, что потолок рухнул по всей ширине комнаты. Ничего не оставалось, кроме как лечь на живот и ползти на руках под очередную "крышку гроба". Хотя Страут прежде и не страдал клаустрофобией и к тому же не мог видеть, в насколько тесном пространстве находится - однако мысль о нависающих прямо над ним тоннах обломков, земли и камней удовольствия определенно не доставляла. Стоило ли лезть в подобную ловушку ради сомнительной надежды отыскать медикаменты или зажигалку? Впрочем, раз все это не рухнуло окончательно за все предыдущие дни, вряд ли это произойдет прямо сейчас. Если, конечно, он не заденет в темноте какой-нибудь обломок, на котором все держится... Всякий раз он сперва осторожно обшаривал пространство впереди и лишь затем делал усилие, подтягивая свое измученное тело. С некоторым опозданием он подумал о том, как будет выползать обратно, если ему не хватит места развернуться, и стал тщательней проверять, есть ли свободное пространство по сторонам.

Это помогло ему наткнуться на дверцу шкафа - иначе он прополз бы мимо. Шкаф лежал на боку; одна его дверца распахнулась. Сунувшись внутрь, Страут нащупал пиджак, некогда висевший на вешалке, и натянул его на себя. Сейчас от всех усилий ему и без того было жарко, но он помнил, что потом станет холодно.

В карманах пиджака ничего интересного не оказалось. Во внутреннем лежал некий документ в виде книжицы с тиснением на обложке - судя по всему, паспорт; в правом боковом обнаружилась лишь скомканная бумажка - скорее всего, билет на автобус или что-то вроде этого. Ни остальной одежды, ни сумки в шкафу или на полу возле него не было.

Значит, придется все-таки ползти в сторону кровати. Скорее всего, остальные вещи где-то рядом с ней.

Страут двинулся к источнику вони, на сей раз регулярно пробуя ее носом; как бы ни было противно, он уже понял, что доверять одному лишь представлению о расположении мебели, не подкрепленному ни одним органом чувств, не стоит. Однако обоняние - это не бинокулярное зрение, оно не дает представления о расстоянии до объекта, особенно человеку, непривычному к подобному способу ориентации. Поэтому Страут в очередной раз достиг цели неожиданно. Рука, которой он нащаривал путь, ткнулась во что-то скользкое, длинное, тяжело качнувшееся под пальцами; в первый момент у Страута мелькнула идиотская мысль, что это

связка колбас, свесившаяся из открытой сумки, и только потом он понял, что трогает свисающие с кровати кишки. Вот, значит, почему зловоние было таким сильным - злосчастного постояльца буквально расплющило на кровати, выдавив внутренности через задний проход. Темнота избавляла его от зрелища, но Страут вполне ясно представил себе, как это выглядело - прежде ему доводилось видеть такое с енотами, раздавленными на шоссе... На сей раз его, впрочем, не вырвало; он лишь спазматически кашлянул, машинально дернулся назад и вверх, тут же ударившись об потолок, и принялся торопливо вытирать пальцы сперва об пол (ничего не вышло, тот тоже весь был в липкой гадости), затем - о край свесившейся с кровати простыни. В то же время он, как ни странно, перестал бояться разделить судьбу мертвеца: похоже, кровать и поваленный шкаф стали достаточно надежными опорами, удерживавшими рухнувший потолок.

Надеясь не влезть в гниющую мерзость снова, Страут принялся осторожно шарить рукой левее. Сперва он обследовал изножье кровати, не обнаружив там ничего примечательного; потом прополз вокруг ее заднего конца и двинулся вдоль другой стороны к изголовью. Он надеялся, что с этой стороны будет почище... а черт, еще что-то свисает. Нет, не кишки - на сей раз рука. Ладно, это еще не так плохо. Во время этого краткого касания Страут почувствовал не только холод мертвой плоти, но и твердый холодок металла. Обручальное кольцо, не иначе. Парень был женат, что, конечно, не удивительно. Или это все-таки не парень, а женщина? Они тоже могут носить пиджаки... хотя в этих католических странах замужние женщины редко путешествуют в одиночку, особенно по таким сомнительным отелям в глуши. Страут вновь, уже сознательно, взял мертвеца за руку. Нет, кисть определенно мужская, широкая, поросшая жестким волосом с тыльной стороны. Кольцо глубоко вьелось в распухшую плоть; снять его сейчас, не отрезав палец, было невозможно. Впрочем, вот уж что Страуту точно не требовалось. Он продолжил поиски чего-нибудь более полезного.

Вскоре он наткнулся на поваленный стул; рядом на полу валялись брюки и рубашка, некогда, видимо, повешенные на его спинку. Страут обшарил карманы; увы, зажигалки или спичек не оказалось и здесь. Рубашку, впрочем, Страут использовал, чтобы по-новой спеленать ноги - прежние повязки после всех его ползаний совсем измочалились и еле держались - я в брюках нашелся бумажник. Так, бумажные купюры, мелочь... все это абсолютно бесполезно... что тут вставлено, кредитка? Нет, кажется, фотография. Какое-нибудь сентиментальное семейное фото (Страут никогда не понимал людей, таскающих такое в своем бумажнике). А вот это уже кредитка! Палец Страута прошелся по выпуклым буквам и цифрам, хотя, конечно, он не мог прочитать их на ощупь. Так, это положим в карман... а лучше весь бумажник, его труднее потерять незаметно, и хорошо бы все же обследовать его при свете... Где же мобильный этого парня, интересно? Ни в одном из карманов нет, на полу вроде тоже... Страут попытался поискать на кровати рядом с подушкой, но наткнулся лишь на очередное липкое месиво из уже засохшей крови и гниющих мозгов. Все же он заставил себя преодолеть отвращение и обшарить изголовье более тщательно - но телефона так и не обнаружил. Тогда он продолжил поиски под кроватью - и вот тут, наконец, наткнулся на дорожную сумку.

Страут лег набок, чтобы было удобнее, и расстегнул молнию. Он сразу же почувствовал, что сумка тощая и вещей в ней мало. Он вытаскивал их и клал ненужное на пол. Так, это, очевидно, смена белья (а неплохо было бы переодеться в чистое, особенно - сменить трусы, но не с его теперешней ногой проделывать такие подвиги)... какой-то глянцевого журнала... блокнот - не электронный, а простой, бумажный, с вставленной в проволочные колечки ручкой... очки в широкой пластмассовой оправе - наверняка солнечные... и - на самом дне - пакет.

Запаянный, довольно увесистый пластиковый пакет, плотно набитый мелким порошком, снежно поскрипывавшим под пальцами.

Так, подумал Страут. Зря он иронизировал по поводу штампов из триллеров.

Что, неужели вот так просто, в обычной дорожной сумке?... Ну а почему нет, собственно.

Кто сказал, что наркотики непременно прячут в каких-то супернадёжных тайниках? Этот тип местный, он не проходил контроль в аэропорту, а приехал сюда на обычном автобусе. Никто не обыскивал его ручную кладь. Он мог спокойно проходить мимо любого полицейского патруля - ни одна собака, в буквальном смысле, не унюхала бы содержимое герметично запечатанного пакета.

На самом деле, теоретически это была не самая плохая находка. Вот оно, обезболивающее, которое он искал. Тем более что больше в сумке ничего не было - ни таблеток, ни средств первой помощи при травмах. Вот только нужно, во-первых, точно знать, что это за вещество - кокаин? героин? морфин? какая-нибудь новомодная синтетическая дрянь? - а во-вторых, какая его доза безопасна (ну, хотя бы относительно) в качестве анестетика. Увы - хотя в прежней жизни ему бы никогда не пришло в голову об этом сожалеть - познания Страута в области наркотиков были практически нулевыми. То есть принципиально нулевыми в практическом плане и крайне смутными в теоретическом. Последних хватало разве что на понимание того факта, что зачерпнуть порошок на палец и слизнуть, как делают в кино, значит почти наверняка получить передоз. Вполне возможно - особенно в его нынешнем состоянии - что и со смертельным исходом. Можно, конечно, осторожничать, глотая буквально по крупинке и отслеживая свои ощущения. Но наркота - коварная штука, особенно для того, кто пробует ее в первый раз. Можно потерять контроль над собой, даже не догадываясь об этом...

Нет уж. Лучше терпеть боль и сохранять ясный рассудок.

Если последнее, конечно, получится.

Мобильного телефона Страут так и не нашел. Возможно, хозяин оставил его на подзарядке в другом углу комнаты или в ванной (проверить эту версию Страут не смог - туда было уже не пролезть из-за завалов). Почему не рядом с кроватью? А черт его знает, возможно, ближайшая розетка оказалась слишком ненадежной, в такой дыре это запросто. Или у этого парня вообще не было мобильного - в конце концов, нигде не записано, что всякий современный человек обязан его иметь, тем более в странах третьего мира. Хотя для наркокурьера несколько странно - должен же он как-то связываться со своими, гм, партнерами... Впрочем, на протяжении десятилетий эта публика прекрасно решала свои проблемы и без мобильной связи. И вообще, мало ли - потерял, украли... неважно. Нет, так нет. Как и спичек, зажигалки или фонарика. То есть почти все надежды, ради которых Страут мучился и рисковал, пробираясь в этот номер, не оправдались.

Почти.

Карточка.

Судя по всему, у плохого парня, помимо проблем с законом, имеется нежно любимая супруга и наверняка, как это водится у местных, целый выводок детишек впридачу. И ему, само собой, наплевать - ну то есть было наплевать - на то, что многие потребители его зелья, которых он обрекал на медленную смерть, не сильно старше. Ну да это дело обычное, и, так или иначе, свое наказание он уже понес. Это все неважно. Важно то, что у него дома есть кому снять трубку, когда позвонят из банка и сообщат о подозрительной активности с его карточкой. И к тому же это будет местный банк. А для здешних клерков, в отличие от их североамериканских коллег, тема землетрясения все еще актуальна.

Если, конечно, в их обязанности входит звонить клиентам в случае блокировки карты из-за неправильно введенного PIN-кода (а ничего более осмысленного, не зная этот код, Страут все равно сделать не мог). И если этому самому клерку - Страут живо представил себе его: низенький, толстый, с обширной плешью в бисеринках пота и жгучими черными усиками, лениво попыхивающий сигарой в кабинете с жужжащим вентилятором - будет не лень делать этот звонок. Формальные должностные инструкции в таких странах - часто не более чем благое пожелание... И если эта самая жена с детьми сейчас дома, а не, ну скажем, на заупокойной мессе по супругу. И кстати о заупокойном - кольцо и даже фотография еще не доказывают, что сама

жена все еще жива. Вроде бы вдовцы носят обручальные кольца не то на другом пальце, не то на другой руке, но - Страут не поручился бы на сей счет даже применительно к собственным соотечественникам, а уж тем более к обычаям, принятым в этой стране. Вообще, кольцо могло врасти в палец задолго до того, как он раздулся от разложения, и его проще было так и носить, нежели снять. А на фото, может, никакая не семья, а любимая собачка.

И если банкомат все еще работает. Точнее, будет работать, когда Страут в очередной раз до него доползет - сколько времени это потребует на этот раз? И если его не убьет током по пути туда или обратно.

Если, если... слишком много "если". И вновь все та же чертова дилемма: рисковать жизнью ради обретения дополнительных шансов на спасение или рисковать жизнью, отказываясь от этих шансов.

Ладно. Он уже успел убедиться, что пассивное ожидание хуже любых страданий на пути к цели. Даже если цель, в конечном счете, окажется ложной...

Страут развернулся - места для этого хватило - и пополз к выходу, волоча за собой сумку, в которую снова сунул белье мертвеца. Выбравшись в коридор, он не только запер замок, но и затолкал эту одежду в щель под дверь. Хоть какая-то защита от смрада. Конечно, вонь все равно уже успела распространиться по всему еще доступному Страуту пространству, но ведь труп в номере будет гнить и дальше.

Едва проделав это, Страут почувствовал, как наваливается дурнота. Нет, он больше не может никуда ползти. Только не сейчас. Надо... отдохнуть... хотя бы немного... надо...

Он пришел в себя, вновь не имея понятия, сколько времени прошло. Снова раскалывалась голова. Ногу дергало так, словно ее рвали клещами. Муторная слабость и ломота во всем теле недвусмысленно указывали на жар. Страут попробовал пошевелиться и застонал; это был единственный звук, нарушивший мертвую тишину. Мертвую, могильную во всех смыслах. Никто не разбирает завалы, не пытался пробраться к нему. Никто не собирался его спасать.

Страут уперся локтями в пол и попытался сдвинуться с места. Головокружение отдалось неприятной легкостью, скручивающейся в узел где-то в солнечном сплетении; во лбу и затылке в то же самое время запульсировал горячий свинец. Казалось невыносимым преодолеть в таком состоянии хоть пару ярдов по ровному полу - что уж говорить о спуске по лестнице. Да и наверняка в этом уже не было никакого смысла. Не может быть, чтобы банкомат все еще работал. Вне всякого сомнения, вода давно залила розетку...

Но если он не будет двигаться сейчас - он не будет двигаться уже никогда. И он пополз.

Преодолев первую ступеньку, он пустился на хитрость. Я совсем не собираюсь снова ползти к банкомату, сказал он себе. Ну его к черту, это совершенно невыносимо, да и бесполезно впридачу. Он только спустится поближе к воде, и не более чем. Ты ведь хочешь пить, да и умыться холодной водой заодно? О да, еще как! Ну вот и ползи. Всего несколько ступенек (странно, он до сих пор так и не пересчитал, сколько именно) - и можно будет отдыхать. Отдыхать и ждать спасателей. Да, именно так он и сделает. Больше никаких усилий. Только блаженный покой. Только... блаженный... ОО, КАК ЖЕ БОЛЬНО!!!... не думать, не думать о боли, это скоро пройдет, осталось немного... вот так, еще одна ступенька позади... и кстати, с каждой новой пройденных становится на одну больше, а оставшихся - на одну меньше, то есть разница между ними уменьшается даже не на одну, а на две... да-а, вот разрыв сократился еще на две... осталось... ААА!... немного, уже совсем немного... сушая ерунда... а там... ААА!!!... отдыхать... пить и отдыхать...

Восемь. Их оказалось восемь. Точнее, девять, но нижняя была уже под водой. И он действительно попил, умылся и отдохнул - насколько последнее было возможно, скособочившись на предпоследней ступеньке неширокой лестницы с задранной вверх переломанной ногой. А потом, разумеется, пополз дальше.

Самое трудное ведь уже позади - спуск по лестнице. Теперь осталось всего лишь ползти по ровному полу, да еще и в ледяной воде, приглушающей боль. Сущая ерунда по сравнению с тем, что он уже проделал. Сущая... ерунда... Да и не придется ему опять ползти через весь холл (и обратно - нет, нет, не думать об этом! сосредоточиться на текущей задаче!) - всего несколько футов, чтобы выглянуть и убедиться, что банкомат уже вырубился.

А если его убьет током, то все мучения закончатся, и это тоже неплохо. Мысль не выглядела особенно конструктивной, но сейчас ему годилось любое утешение.

Он даже не удивился, увидев знакомый синий блик. В конце концов, он уже успел убедиться, что вода все еще поднялась не слишком высоко. Ну что ж, одна малодушная надежда не оправдалась, другая... там будет видно. Вперед.

Духота здесь была еще тяжелее, чем наверху; правда, не так сильно чувствовалась трупная вонь - вклад от портье был пока еще не слишком велик. Но вонь - это ладно, ее можно победить, дыша через рот, а вот недостаток кислорода и избыток углекислого газа... и не только углекислого... Вот будет смешно, думал Страут, делая очередную вынужденную передышку - потерять сознание прямо сейчас означало даже не обречь себя на смерть от тока, а просто захлебнуться - вот будет смешно, если он доползет и убедится, что электричество-то все еще есть, а вот связи с банком уже... А затем его вдруг пронзила новая мысль: а что, если откапывать его придут вовсе не спасатели, а деловые партнеры того парня? Не получившие вовремя свой пакет и, должно быть, очень сердитые по этому поводу. Возможно, они даже думают, что тот просто "кинул" их и сбежал, прикрывшись землетрясением. И вот теперь, отследив его через карточку... И, конечно, и отдать им пакет, и делать вид, что ничего не знаешь о пакете - одинаково бесполезно. Живых свидетелей они оставлять не станут, просто на всякий случай.

Да ну, бред. Во-первых, каким образом они смогут отследить использование карточки? Полиция могла бы это сделать - и, возможно, даже сделает, если тот тип уже был у них на подозрении, что, кстати, дает дополнительный шанс - но бандиты? Во-вторых, простой лопатой такой завал не раскопаешь, тут нужна специальная техника, и откуда у них...

Ну а почему нет, это же мафия, тем более - латиноамериканская мафия. У них вполне может быть на содержании и полиция, и даже местный губернатор, который мигом распорядится выделить все необходимое...

Да полно, стоит ли единственный пакет таких усилий? Сколько там - фунта два, вряд ли больше. Может, вообще нет никаких "их", может, этот парень и был конечным покупателем, приобретшим дурь для личного употребления. Хотя для личного, наверное, все-таки многовато... а для курьера, наоборот, кажется мало. Впрочем, Страут понятия не имел, сколько может стоить килограмм чистого кокаина или героина. Вполне возможно, это действительно такая сумма, ради которой не жалко гнать в горы тяжелую технику и разгребать тонны земли, камней и обломков.

Он вспомнил о револьвере. Бросил ли он его обратно в воду, или положил на сухое? Кажется, все-таки сунул в один из ящиков... даже не в надежде потом использовать, просто чтобы не мешался во время поисков на дне... Значит, оружие должно было уже просохнуть. По-хорошему, конечно, его следовало бы вычистить и смазать заново, но вполне возможно, что оно будет стрелять и так.

Да уж, криво усмехнулся Страут. Посмотрите на супергероя, собравшегося в одиночку перебить целую банду... героя, едва способного ползти, как полураздавленный таракан...

Ладно. Решать проблемы поступательно. Сначала надо добраться до банкомата. А там, возможно, все эти тревоги потеряют актуальность.

Труднее всего было переползти через самый большой "язык" грязи и камней, упирившийся в стойку. Зато, когда Страут все же тяжело перевалился в воду с другой стороны, он воспрянул духом: вот теперь уже *действительно* осталось всего ничего.

Если, конечно, не думать об обратном пути.

Прочь, прочь эти мысли. Осталось три ярда. Три ярда, и все. А теперь... уже... два с половиной. Два-а...

Он дополз. Некоторое время он просто сидел, привалившись к холодному боку банкомата, и пытался хоть как-то унять головную боль, прижимаясь пылающим лбом к металлу. Смешно - все равно что отдыхать, сидя на бомбе с тикающим часовым механизмом, но он ничего не мог с собой поделать. В горле и груди стояла тошнота, сердце билось мелко и часто, грозя новым обмороком. Наконец, более-менее уняв дрожь в руках, Страут вытащил трофейный бумажник и обследовал его уже глазами, а не на ощупь. Синий свет был далеко не самым подходящим для этой цели, но все же лучше, чем полная темнота. Вот карточка... да, только одна, он не ошибся. Хотя кто сказал, что даже и наркокурьер должен таскать с собой целый ворох? Приблизив пластик к экрану - горизонтально, так, чтобы свет падал на карточку снизу вверх - Страут, задирая голову, разобрал буквы: EUGENIO FERNANDEZ. Карточка оказалась простой дебитной "Визой". Страут не удержался, посмотрел и то, что на ощупь счел фотографией - это действительно оказалось фото, и притом не собачки. В таком освещении было трудно разобрать детали, но, похоже, фотография изображала улыбающуюся женщину и девочку-подростка. Знали бы вы, чем зарабатывал ваш муж и отец... а впрочем, может, жена и знает. "Нам же надо на что-то жить, а он никому ничего не навязывает. Если не он, то другие, желающих всегда хватает. Пусть эти грязные наркоманыдохнут, мир, в конце концов, только выиграет. А уж свою-то дочку я воспитаю правильно, она никогда ни-ни..." Да, вполне известная логика. Впрочем, такие женушки скорее встречаются к северу от мексиканской границы. А у латиносов не принято, чтобы жена вообще как-либо влезала в дела мужа...

Черт, не об этом сейчас надо думать! Скорее ввести первый попавшийся код, убедиться, что карта заблокирована, и, как выражаются все в тех же триллерах, тащить прочь отсюда свою задницу. В самом буквальном смысле.

Банкомат честно опознал вставленную карту и принялся задавать свои стандартные вопросы. В качестве кода Страут ввел 1111 - не надо искать сложных решений, когда есть простые. Потом еще раз. И еще. "Свяжитесь с вашим финансовым учреждением." Очень хорошо. Дело сделано. Осталось выбраться обратно на лестницу. Сушие пустяки, само собой. Сушие...

Он уже полз назад, когда услышал глухой шум.

В первый миг ему показалось, что это спасатели. Не нужна была даже вся эта канитель с карточкой Фернандеса, сработали его собственные, его нашли, его уже откапывают, скоро...

Затем он понял, что это совсем не техника и даже не лопаты.

Это вода.

По всей видимости, затор, долгое время сдерживавший ее так, что за несколько дней она поднялась лишь на считанные дюймы, наконец размыло или прорвало. И теперь Страут не просто *видел* в дрожащих на мутной поверхности бликах - он *чувствовал*, как она поднимается.

Он понял, что добраться до лестницы не успеет. Ни малейших шансов. Единственной надеждой - впрочем, весьма слабой - было вскарабкаться на груды земли и камней посреди холла. Достаточно пологую, в отличие от куч у ближайших окон. И то если его не долбанет через мокрую грязь...

Но выбирать не приходилось. Страут перевернулся и пополз задом в прибывающей с каждым мигмом воде, отчаянно отталкиваясь руками и ногами. То есть, конечно, здоровой (относительно) ногой, к которой была привязана больная. Кинжальные импульсы боли пронзали его от пяток до макушки, но он словно не чувствовал их. Потом, потом, все потом - только бы добраться! Раз-два, раз-два, раз-два...

Рука проскребла по комковатой грязи, в очередной раз натыкаясь не то на мелкие острые камешки, не то на осколки стекла. Дополз?! Рывок, вверх, скорее вверх, из воды...

Грязь, разумеется, повела себя так же, как и когда он пытался откопать дверцу портье -

оплывала и обваливалась под его руками. Но в тот раз он не помогал себе ногой. Тяжело и неуклюже барахтаясь, он вырвался из наступающей по пятам жидкости, уцепился за какой-то камень с острыми краями, толкая себя еще выше, в сторону невидимого окна, и даже почти преуспел в этом - но в следующий миг камень вырвался и покотился вниз, земля с шорохом посыпалась в воду, и сам Страут беспомощно заскользил туда же. Все, что он еще успел сделать - это рывком вскинуть вверх обе ноги, ценой дикой простреливающей боли оттягивая неизбежное на какую-нибудь секунду.

В это самое мгновение раздался электрический треск, экран банкомата судорожно моргнул несколько раз, и наступила полная темнота.

От кинжальной боли в ноге перехватило дыхание; в первый миг Страуту показалось, что это и есть электрошок. Но нет, автомат защиты сети все-таки сработал. Электричество вырубилось, вода отныне была безопасной.

Если, конечно, не считать того, что она продолжала прибывать.

Некоторое время Страут приходил в себя после пережитой боли, чувствуя, как по щекам снова текут слезы. Наконец он решил, что снова может двигаться; вода, уже достигшая его живота и подбиравшаяся к груди, такому решению весьма способствовала. Попытаться все-таки отыскать в темноте револьвер, до которого сейчас всего несколько футов? Нет, ну его к черту. Не хватало еще захлебнуться там за стойкой, как котенок в мешке. Надо скорее добраться до лестницы.

Он переполз через завал в самом низком месте, уже размываемом водой - последнее обстоятельство даже облегчило задачу. Что-то мягко и беззвучно ткнулось ему в бок. Он машинально отпихнул это и понял, что это мертвец, выплывший из-за своей стойки через ранее пробитую Страутом дыру. Выплыл он, впрочем, не весь, а лишь по плечи - растопыренные руки через дыру не прошли. Словно бы высунул голову любопытствовать, кто это там никак не угомонится вместо того, чтобы составить, наконец, ему компанию...

"Ну уж нет!" подумал Страут, изо всех иссякающих сил отталкиваясь от пола, превратившегося в дно, обеими ладонями и ногой. Он уже мог передвигаться, только сидя вертикально, иначе бы захлебнулся. Ледяная вода достигла середины груди. Успеет ли он добраться до лестницы? В прежней жизни он неплохо плавал, но теперь, разумеется, это не могло ему помочь. Если он попытается лечь на воду и грести, спутанные ноги, волочась по дну, не позволят ему толком сдвинуться с места. Мелькнула мысль, нельзя ли использовать труп в качестве плавсредства. Но нет, пожалуй, тот еще недостаточно раздулся, чтобы выдерживать двойной вес - да и пока удастся целиком вытащить его через дыру, можно потерять последние драгоценные секунды...

Вода подбиралась к плечам. Страута вдруг охватила паника - даже не страх утонуть как таковой, а внезапная мысль, что в темноте он сбился с направления и ползет не к лестнице, а к окнам или даже обратно к центральному завалу. Когда он пересекал холл в прошлые разы, синий экранчик служил ему маяком, а сейчас...

Под левую ладонь подвернулся крупный острый камень, но пол под правой оставался чистым. Да, кажется, он забрал влево в сторону окон - неудивительно, раз он отталкивается правой ногой! - но не очень сильно. Спокойно... не так уж тут много места, чтобы и в самом деле заблудиться...

Он развернулся и двинулся в правильном направлении - по крайней мере, как он надеялся. Впрочем, получалось это все медленней. Вода была уже почти по горло. Ее холод сковывал движения. Он все-таки попробовал лечь на спину и грести обеими руками, одновременно отталкиваясь ногой. Получалось плохо, и за каждый такой рывок приходилось расплачиваться новым резким импульсом боли. И, когда он совсем уверился, что без толку бултыхается на месте - а если перестанет это делать, то просто уйдет на дно - его правая рука сильно ударилась о косяк.

На сей раз боль отдалась в локте; возможно, он даже сломал или вывихнул палец - но он не обратил на это внимания. Ухватившись обеими руками за косяки, он втащил себя в дверной проем и, наконец, плюхнулся задом на ступеньку, которая была уже более чем на полфута под водой, но все же позволяла спокойно посидеть и отдышаться.

Не очень долго, впрочем. Ибо уровень воды продолжал повышаться.

До сих пор Страут думал лишь о том, как добраться до лестницы; на этом были сосредоточены все его усилия. Подсознательно ему это казалось, что стоит подняться на несколько ступенек - и он будет в безопасности, а сознание не торопилось развеивать эту иллюзию, которая поддерживала его силы. Но вот теперь он ясно задумался о том, насколько высоко может подняться вода. Если источник находится выше по склону горы... и если вода не найдет выхода... она легко может затопить не только холл внизу, но и коридор наверху. Правда, все еще зависит от того, насколько герметично замурована верхняя часть отеля. Если окажется, что воздуху некуда уходить, здесь образуется гигантский пузырь, как в старинном водолазном колоколе. Но даже если так - на каком уровне будет достигнуто равновесие давлений, и сколько он продержится в этом пузыре? А смешнее всего получится, если спасатели, начав-таки прокапываться к нему сверху, нарушат эту самую герметичность, и он захлебнется здесь прежде, чем они успеют его вытащить...

Страут почувствовал, как в очередной раз накатывает дурнота. Нет, только не сейчас! Нельзя терять сознание - по крайней мере, пока он не заберется на самый верх! Можно, конечно, не торопиться и подниматься лишь по мере продвижения воды - но если он и впрямь внезапно отрубится... Страут снова плеснул себе в лицо холодной водой, потом несколько раз ударил себя по щекам. Казалось бы, эта боль была сущей ерундой по сравнению со всей прочей - но, тем не менее, она все же придала ему некое слабое подобие бодрости. Это в последний раз, уговаривал он себя, втаскивая на следующую ступеньку свое невыносимо тяжелое, словно бы разбухшее от воды тело (хотя на самом деле, конечно, он уже похудел как минимум на дюжину, а то и на два десятка фунтов). Больше уже никаких лестниц, ни вверх, ни вниз... *на самом деле* никаких. Даже если он захочет, ползти будет уже просто некуда... Сколько осталось ступенек - шесть? Да нет, меньше, конечно, ведь несколько уже под водой... Наверное, всего-то четыре, или даже три...

То ли эта мысль и впрямь придала ему сил, то ли скорость подъема воды замедлилась, но Страуту удалось выбраться на сухое. Еще несколько минут спустя он осознал, что сидит на полу коридора. Боль в ноге, приглушенная было холодом, снова набрала силу, но сейчас она была ровной, а не дергающей, а значит, почти привычной. Страут медленно развернулся, чтобы поудобней привалиться к стене, и вот тут все-таки вырубился.

На этот раз его привела в чувство вода.

Она была повсюду, и в полной темноте это было особенно страшно - тем более для с трудом пробуждающегося мозга, который все еще не мог сообразить, где он и что с ним. Страут хрипло вскрикнул, неуклюже плеснув руками; волна прокатилась по его лицу, заливаясь в рот и ноздри. Он фыркнул и закашлялся, инстинктивно вздергивая голову над водой. Нет, все еще не так плохо, понял он в следующий момент. Он все еще не тонет. Он просто в своем сне-обмороке сполз на пол, а вот теперь... теперь, когда он сел... вода достает ему едва по пояс. Нет, это не страшно... совсем не страшно... если, конечно, вода на этом остановится. В течение какого-то времени - он не смог бы оценить его даже приблизительно - Страут тешил себя мыслью, что так оно и случилось. Пузырь воздуха... спертого, удушливого, вонючего воздуха, который, однако, сдерживает дальнейшее наступление еще менее пригодной для дыхания стихии...

Затем он понял, что эта стихия хотя и медленно, но все-таки продолжает наступать на его последнюю цитадель, откуда отступать уже совершенно точно некуда. Хорошо, что в этой части коридора уцелел потолок. В комнатах, где он рухнул, запас жизненного пространства - считанные дюймы от пола... а здесь можно нормально сидеть, выпрямившись, и даже это еще не предел...

Стул, вспомнил Страут. Стул в номере Фернандеса! Надо было вытащить его в коридор! Тогда на нем можно было бы сидеть с комфортом, и, главное, намного выше, чем на полу! Проклятье, как он мог не подумать об этом сразу?! Тогда, конечно, он еще не знал, что вода поднимется так высоко...

Сделать это сейчас? Нет, пожалуй, уже поздно. Он может не успеть выползти обратно прежде, чем вода зальет номер по самый рухнувший потолок. К тому же воздух здесь - последний остающийся у него воздух - и так слишком тяжелый, чтобы по-новой впускать сюда смрад гниющего с выпущенными кишками мертвеца. С другой стороны, если вода будет подниматься и дальше... может быть, все-таки рискнуть?

"Я просто ищу себе оправдание, чтобы больше уже никуда не ползти", подумал Страут и устало ответил сам себе: что ж, может, и так. Пока что между риском действия и риском бездействия он постоянно выбирал первый. Но когда-то надо для разнообразия выбрать второй, и сейчас, похоже, самые подходящие для этого условия. Во всяком случае, исходя из его физического состояния. Ладно. Никуда он не поползет. Эта мысль доставила ему безмерное облегчение.

Вода, однако, продолжала прибывать.

Когда она дошла до груди, он еще надеялся, стуча зубами от холода. Когда поднялась к горлу, он понял, что у него осталось самое последнее средство. Ему придется встать и стоять. Он не очень представлял себе, как это сделает, но главное - сколько он сможет простоять на одной ноге, пусть даже опираясь о стену? Пять минут? Пятнадцать? Полчаса? Даже будь он здоров и полон сил...

А сколько еще времени нужно спасателям? Предположим, его сигнал - один из - все же распознан правильно, и помощь уже в пути. Даже в самом лучшем случае нужно несколько часов, чтобы доставить сюда технику. А раскапывание такого завала - осторожное раскапывание, так, чтобы ненароком не похоронить его окончательно - может занять целый день.

Тем не менее, это не повод прекращать бороться.

Он быстро понял, что встать, просто опираясь на стену, не сможет. К счастью, в его распоряжении была дверная ручка номера Фернандеса. Страут надеялся, что, когда он повиснет на ней всей тяжестью, шурупы не вырвет из двери, а сама дверь не сорвется с петель. В такой гостинице это было бы совсем не удивительно... На крайний случай у него оставалась еще дверь его собственного номера - если он успеет доползти туда прежде, чем его накроет с головой, и если вторая ручка не повторит судьбу первой.

В прежней жизни Страут с легкостью подтягивался на турнике, но сейчас поразился тому, насколько ослабели его руки. Даже с учетом того, что вода облегчала его вес - впрочем, стоило ему приподняться, как эта помощь тут же уменьшалась. Лишь рванувшись изо всех сил - дверь угрожающе скрипнула, но выдержала - он все же сумел встать на колени лицом к двери. То есть на правое колено, конечно - но левая нога все равно отомстила за этот промежуточный успех таким взрывом боли, что Страут до крови прокусил губу. Тем не менее, выждав не слишком долгое время, он, вцепляясь обеими руками в ручку и тяжело наваливаясь плечом на дверь, снова потащил себя вверх. Руки отчаянно дрожали и норовили сорваться с ручки, ставшей неожиданно скользкой; в какой-то момент он понял, что не сможет продвинуться дальше без нового толчка ногой - и даже не просто толчка, а скорее прыжка, который переместит его ступни к двери. Насколько, конечно, в воде вообще возможен прыжок...

Он оттолкнулся, стараясь все же перенести максимум усилий на руки. Перед глазами словно взорвалась граната - и не только перед глазами; его ногу, казалось, разорвало на куски, каждый из которых превратился в самостоятельный вулкан боли. Страут понял, что падает, падает обратно в воду, где, наверное, сейчас и захлебнется; инстинкт заставил его еще крепче вцепиться в ручку, из последних сил напрягая мышцы, его повело вбок, ударило о косяк, но

каким-то чудом ему удалось устоять. Да, он стоит, понял Страут, когда боль немного схлынула. Стоит, прислонившись к стене, опираясь на правую ногу и обеими руками на дверную ручку. Победа.

Вода была снова ему по пояс. И продолжала подниматься. Медленно. Заметно медленней, чем раньше. Но продолжала.

Как он уже отметил про себя, она облегчала его вес - чем дальше, тем больше - а холод к тому же приглушал боль. Но радоваться, конечно, было сложно. Страут впервые отчетливо осознал, что ему грозит опасность не только утонуть, но и замерзнуть. Если вода остановится, скажем, на уровне его груди... или, тем паче, шеи... сколько он сможет выдержать? В открытом океане при такой температуре моряки погибают от переохлаждения, наверное, за несколько десятков минут. Меньше часа, это точно. Правда, в океане ситуация хуже - там вода постоянно перемешивается. А здесь, если стоять спокойно, сохраняя слой воды, нагретый непосредственно от его тела...

Ну да. Стоять неподвижно, что может быть проще, ха-ха. Даже если бы не холод... не инстинкт, требующий двигаться, чтобы хоть как-то согреться... все равно статические нагрузки - на самом деле самые тяжелые. Прошагать дюжину миль по пересеченной местности куда проще, чем все это время стоять на месте. А ведь он лишен даже возможности переступить с ноги на ногу...

Но другого выбора у него не было. Только стоять в полной темноте в медленно поднимающейся ледяной воде, прислонясь к стене и периодически перенося вес тела то на руки, опирающиеся на ручку, то на правую ногу. Сколько он так простоит - столько и проживет.

Эта пытка оказалась самой долгой - и самой худшей. Хуже, чем даже пронзающая боль, от которой перехватывало дыхание. Недаром Данте поместил в последний, самый страшный круг своего ада ледяное озеро... Кто там у него мучился? Кажется, предатели. Нет, он, Страут, никого не предал. Как и множество других людей, уже погибших или, возможно, все еще медленно умирающих под завалами. Поразительно, как, несмотря на все это, люди умудряются верить во всемогущего и всеблагого бога. Казалось бы, и сотой доли несчастий, раз за разом обрушивающихся на безвинных, должно быть достаточно, чтобы их разубедить... Но - нет. Смиранные католики этой страны уже наверняка заставили все уцелевшие соборы свечами за упокой своих близких. Все равно как если бы родня жертв, убитых маньяком-садистом, слала бы благодарственные телеграммы убийце... На самом деле, разумеется, нет ни бога-садиста, ни бога-благодетеля. Есть лишь слепые и безразличные законы природы. Градиенты напряжений в земной коре...

Да, да, лучше думать о физике. Об абстрактной эстетике формул и математических моделей. Ни одна из которых, впрочем, пока еще несовершенна. В противном случае он сейчас не стоял бы в...

Нет, нет, не об этом. О чем угодно, только не об этом. О... о... пустыне Сахара. Сахара, да. Песок. Барханы. Светит солнце. Жарко, очень жарко. И совсем никакой воды...

Страут почувствовал, что падает.

Тело среагировало быстрее, чем проваливающийся в муторную пустоту мозг. Пальцы резко сжались на дверной ручке. Мышцы рефлекторно напряглись, удерживая равновесие. Сознание нехотя возвращалось на покинутый боевой пост.

И в тот момент, когда Страут уже пришел в себя настолько, чтобы понять - на этот раз ему удалось устоять, мышцы его правой икры скрутила самая жестокая судорога, какую он переживал в своей жизни.

Он рухнул в воду, сразу же уйдя в нее с головой. Изо рта, распахнутого в крике боли - теперь уже двойной, ибо левая нога не замедлила напомнить о себе - вырвались крупные пузыри, но все же у Страута хватило - ума, инстинкта, реакции? - не вдохнуть воду прямо в легкие. Однако его закоченевшие, уже почти потерявшие чувствительность пальцы

соскользнули с дверной ручки. Страут попытался вновь схватить ее под водой, но безуспешно; кажется, он лишь погрузился еще глубже. Боль по-прежнему раздирала его ноги, мешая думать; он беспорядочно забил руками по воде и все же вытолкнул себя на поверхность, не имея понятия в крошечной тьме, находится ли он все еще возле двери или уже где-нибудь на середине коридора.

Он глотнул воздуха, снова начал погружаться, опять вынырнул; уже не столько страх, сколько холод, заново впившийся в тело, заставлял его молотить руками, шумно вздымая тучи невидимых брызг. Страут попытался все же вернуть себе способность рассуждать рационально. Судорога... носок на себя... неважно, что его ноги связаны вместе, он все равно может это сделать... он не утонет, тело легче воды, главное - не паниковать и держать лицо вверх... так, кажется, судорога проходит... теперь главное - расслабить ногу, ни в коем случае не напрягать снова, держаться на воде только за счет рук... КАК ЖЕ ХОЛОДНО!... не поддаваться, не напрягать ногу... обе ноги... он легче воды, он не может утонуть...

Его лицо вновь ушло под воду; Страут едва успел задержать дыхание. Практика явно опровергала теорию. Он сделал сильный гребок и снова оказался на поверхности. Одежда? Это она тянет его на дно? Не может быть, не так уж много на нем надето. Плотность пресной воды, даже грязной, ниже, чем соленой, но все равно... работать руками, не останавливаться - хотя ощущение было такое, словно к каждой из них привязано по гире... все-таки он очень ослабел... да, не только ослабел, но и исхудал! Вот в чем дело - это жир не тонет, а кожа да кости очень даже!

Спокойно, спокойно! Он все равно не может утонуть! Какая же глупость все это бултыхание - ведь ему здесь не больше чем по грудь! Достаточно просто вытянуть вниз ноги - только очень осторожно, чтобы лишний раз не травмировать левую и не вызвать новую судорогу в правой - и он встанет на пол...

Он так и сделал и ушел под воду с головой. Пола не было.

На сей раз он неожиданности он все же глотнул воды, но хотя бы сумел не пустить ее в легкие. Снова отчаянно заработал руками и вынырнул, кашляя и отплевываясь.

Что за бред?! Не могла же вода подняться на несколько футов за пару минут!

Дело не в воде, сообразил Страут. Он просто уже не в коридоре, а над лестницей! Назад... надо вернуться назад, пока у него еще хватает сил держаться на воде! Вот только как? Мало того, что без помощи ног он может скорее бултыхаться на месте, чем плыть - главное, в абсолютной темноте он понятия не имеет, в какую сторону нужно плыть! Вот же глупость, ему нужно преодолеть всего-то пару ярдов... утонуть вот так, после всего, что он уже пережил! Нет, нет! Раз он не знает, куда - просто выбрать любое направление, главное - ни на миг не прекращать бороться и не нахлебаться воды!

Он кое-как перевернулся на спину - с неподвижными ногами так было больше шансов - и принялся отчаянно грести, взмахивая обеими руками. Скорее всего, думал Страут, сейчас я упрусь или в левую, или в правую стену. Вот бы еще понять, какая из них какая... Сейчас... сейчас...

Но, сколько он ни греб, выбиваясь из сил, стены не было. Никакой.

Видимо, я плыву как раз вдоль коридора, подумал Страут. Наверное, подо мной уже пол... надо проверить...

Он набрал побольше воздуха и позволил ногам опуститься. И снова начал погружаться в черную ледяную бездну, словно в ночном кошмаре. Впрочем, происходящее было куда хуже любого кошмара... Скорее назад, на воздух! Страут жадно глотал этот воздух, в котором, казалось, уже почти не осталось кислорода, не переставая работать руками. Наверное, он плывет в прямо противоположную сторону, на глубину. Развернуться? Нет, худшее в его положении - это начать крутиться на месте. Куда бы он ни плыл, он должен скоро упереться хоть в какую-то стену или завал! Здесь же совсем немного свободного пространства!

Но стен по-прежнему не было. Только бескрайняя ледяная вода вокруг, словно он каким-то мистическим образом переместился из-под руин маленькой гостиницы в огромное подземное озеро. Или вообще в какую-нибудь потустороннюю бездну. Умер и попал в тот самый дантовский Коцит... хотя там была не жидкая вода, а лед... но кто сказал, что Данте во всем прав... "Бред, - сказал себе Страут. - Это все просто бред, да. У меня жар, да еще кислородное голодание, вот мне и мерещится. На самом деле ничего этого нет. Я просто лежу где-нибудь на полу и бессмысленно дергаю руками." Но ледяная жидкость со всех сторон была слишком реальной, чтобы поверить в эту гипотезу и прекратить бороться.

Однако и продолжать бороться он тоже уже не мог. Последние силы покидали его. Мышцы рук сделались совсем вялыми; ни разум, ни инстинкт не могли уже выжать ничего из его истерзанного холодом, голодом и травмами тела. Вода захлестнула его лицо; Страут в последний раз рванулся, глотнул воздуха - и начал погружаться. Сознание окончательно покидало его.

А затем он больно ударился затылком о край ступеньки.

На сей раз он таки вдохнул в себя воду, но рефлекс тут же заставил его согнуться, и он оказался сидящим на лестнице, с головой над водой. Судорожно кашляя и содрогаясь всем телом, он, наверное, целую минуту выхаркивал воду из легких, прежде чем к нему вернулась способность соображать. И он понял самое главное: вода уходила. Уходила заметно быстрее, чем прибывала до этого. Так вот в чем дело! Не было никакого "бескрайнего озера". Он просто пытался выгрести против течения - которое, собственно, и вынесло его из коридора на лестницу - и в результате оставался на месте! До тех пор, пока не опустился прямо на ступеньки.

Думать о том, спасло ли его на этот раз естественное стечение обстоятельств, или же воде кто-то помог, Страут был уже не в состоянии. Не говоря уже о том, чтобы вползти обратно вверх. Он просто повалился назад, на ступеньки; их края впивались в тело, но он уже этого не чувствовал. Пустота в очередной раз поглотила его...

-...ñor Fernández!

Страут открыл глаза. Как и следовало ожидать, это ровным счетом ничего не изменило - тьма оставалась тьмой. Возможно, я ослеп, подумал он почти равнодушно. Он уже так привык к темноте, что эта мысль не пугала. Кажется, ему что-то снилось. Какие-то испанцы...

- ¡Señor Fernández! - позвал незнакомый голос еще раз. Почему-то он исходил снизу. Затем он произнес с другой интонацией: - Me parece, veo el cadáver²...

Нет. Это не сон.

- Я здесь! - хрипло крикнул Страут по-английски, удивляясь, как слабо звучит его голос. Затем, набрав в грудь побольше воздуха, поправился, насколько позволяло его знание испанского: - Сой акви!

Ему запоздало вспомнились опасения насчет наркомафии. Впрочем, хуже, чем есть, ему уже никакая мафия не сделает... Да и вряд ли бандиты стали бы называть своего подельника "сеньором".

- ¡Él es vivo³! - крикнул голос. У подножия лестницы мелькнул свет фонаря, показавшийся Страуту нестерпимо ярким; он снова зажмурился. Зазвучали еще голоса, неразборчиво, потом первый выкрикнул что-то еще - Страут понял лишь слово *socogto*. Наверное, говорили, что помощь сейчас будет. Затопали шаги по мокрым ступеням, свет фонарей проникал уже даже сквозь веки, и Страут, отважившись чуть-чуть приоткрыть глаза, различил фигуры в оранжевых комбинезонах и касках. Они пытались его о чем-то расспрашивать, но Страуту не хватало ни сил, ни знания языка, чтобы отвечать; он лишь указывал пальцем на свою левую ногу в надежде, что они догадаются сами. Ему что-то вкололи прямо сквозь брючину, затем очень осторожно уложили на носилки.

2 Кажется, я вижу труп (исп.)

3 Он жив! (исп.)

Когда его, наконец, вынесли наружу, он вновь решился приоткрыть глаза, готовясь тут же зажмуриться, если его ослепит яркий свет солнца. Но был вовсе не день, как он ожидал, а достаточно поздний вечер; солнце успело зайти, хотя небо на западе все еще оставалось светлым. Этот мягкий свет не ослепил его, и все же впоследствии он не раз жалел о том, что не закрыл глаз и увидел то, что увидел.

После первой помощи в местном госпитале Страут, наконец, объяснил, кто он такой; затем был визит американского консула, санитарный борт в США и долгие месяцы лечения. Ему пришлось перенести несколько операций, но в итоге врачам удалось спасти его ногу, сперва вычистив гной, дошедший уже до кости, а затем буквально по кусочкам собрав раздробленную кость. Одновременно ему пришлось лечить бронхит и застуженные почки. К счастью, его страховка покрыла медицинские счета.

Еще пока он лежал в госпитале, к нему рвались журналисты; история об американском сейсмологе, едва не убитом предметом собственных исследований, проведенном под завалами восемь дней и спасшемся благодаря чудом сохранившему работоспособность банкомату, выглядела для них лакомой добычей. Но Страут наотрез отказался давать интервью. Все, что ему хотелось - как можно скорее забыть о том, что довелось пережить. По ночам его все еще мучили кошмары. Ни боль, ни холод в них даже близко не походили на настоящие, зато чувство безнадежности было реальнее, чем в самой реальности. Если наяву он почти все время надеялся, что его спасут, то во сне приходила твердая уверенность, что на этот раз ему не выбраться. Он спал при свете и вообще избегал любой темноты. От антидепрессантов он, однако, отказался категорически, и даже обезболивающее после операций прекратил принимать раньше, чем в нем действительно пропала потребность. Ему совсем не хотелось попасть в зависимость от лекарств.

Его принципиальная антинаркотическая позиция все же заставила его дать одно интервью - но вовсе не журналистам, а представителю Администрации по борьбе с наркотиками. Говорить об этом в южноамериканском госпитале Страут не рискнул - да и не в том он был состоянии - а теперь понадеялся, что своя спецслужба поделится информацией с южными коллегами. Пусть Фернандес погиб, но остались его подельники... Однако оказалось, что спасатели давно разобрали завалы и извлекли тела погибших вместе с находившимися при них вещами, и ничего противозаконного среди этих вещей не было. Фернандес был обычным работягой-электриком, никогда не связывался с криминалом, а в пакете была целебная соль, купленная им в столичной аптеке для жены, страдавшей артритом.

Когда Страут впервые вернулся из больницы домой - все еще в инвалидном кресле - он в первый же день разобрал скопившуюся за это время почту. Среди многочисленной рекламы обнаружили два конверта из банков. Банки были разные - один был эмитентом его кредитной карты, другой дебитной - однако текст писем совпадал почти дословно. В обоих его извещали о блокировке соответствующей карты в связи с подозрительной активностью и просили связаться с банком. Тот же самый текст он нашел и в своей электронной почте. Это было все, что они предприняли в ответ на все его усилия. Страут криво усмехнулся и разорвал письма на мелкие клочки.

Постепенно, однако, он и впрямь стал забывать о том, что произошло - хотя поначалу ему не верилось, что это возможно. По-видимому, помогло то, что значительную часть времени там, под завалами, он провел в полубессознательном состоянии - да и первое время в госпиталях тоже больше спал тяжелым лекарственным сном, чем бодрствовал. В итоге воспоминания, спутанные и смутные даже изначально, со временем и впрямь стали казаться дурным сновидением - и забываться, как дурной сон. Даже без всяких медикаментов. В тот день, когда он впервые лег спать, погасив свет, и проснулся поутру в прекрасном расположении духа, он окончательно поздравил себя с выздоровлением. Тем более что намечалась очередная интересная командировка - на сей раз в Японию.

Лишь два обстоятельства напоминали ему о том, что это все-таки был не сон.

Во-первых, легкая хромота все же осталась, и после пары часов ходьбы нога начинала ныть. Впрочем, не так чтобы сильно, и со стороны это было практически незаметно.

Во-вторых, пусть воспоминания о том, что происходило в подземном мраке, практически стерлись, но первое, что он увидел при свете дня - ладно, пусть вечера - по-прежнему ясно вставало у него перед глазами. Лица. Глаза, смотревшие на него. Никогда в жизни он не видел, чтобы выражение лиц *так* менялось в течение какой-то секунды.

Лица сеньоры и сеньориты Фернандес.

2013